

*Централизованная библиотечная система
Библиотечно-информационная служба (БИС)*

«Имя в истории: литературные портреты»

*Маргарита Васильевна
Усцелемова*

Камышов 2007

«Имя в истории: литературные портреты». Маргарита Васильевна Усцелемова/
Сост. Л. К. Кириловских, М. Э. Лавренцева, Е.В. Минкаирова. Центральная городская
библиотека. – Камышлов, 2007. – 48 С.

Составители:
Кириловских Л. К.,
Лавренцева М. Э.

Компьютерный набор:
Минкаирова Е. В.

В оформлении использованы фотографии из коллекции
Балыбердина И. В., Флягиной Е. И., Татищева А. А.

Усцелемова Маргарита Васильевна

Биография

Родилась в 1912 году в деревне по-над Юрмычем. Здесь, в деревне, а затем в самом Камышлове, прошло ее детство. Она закончила школу и сама стала учительницей, пойдя стопами матери. Почти три десятилетия отдала она преподавательской работе. И хотя свободного времени почти не оставалось, заочно училась в пединституте, росли дети, а в годы войны, да и после нее приходилось вести уроки в две, а то и три смены – с трудом, но выкраивая часы для литературных опытов.

В 1961 году Усцелемова уехала в Якутск. Работала в газете «Социалистическая Якутия», потом в редакции журнала «Полярная звезда», много ездила по республике. Писала очерки, рассказы. В Якутске вышел первый сборник рассказов «Апрельская пурга».

Продолжала она литературную работу и, вернувшись в Камышлов. Работала в местной газете. Многие рассказы публиковались в журналах «Урал» и «Полярная звезда». До последних дней Маргарита Васильевна писала очерки, зарисовки, эссе. Умерла она в 1990 году.

Клюквенный кисель

Если человек живет долго, из окружающего его мира он из года в год набирается всего, что видит, что слышит, из своих наблюдений, впечатлений, переживаний. Все это скапливается в его безразмерных кладовых памяти. Конечно, что-то и потеряется безвозвратно, но остальное лежит себе тихонько по разным полочкам до поры, до времени. И настает минута — вдруг что-то из самого далекого, казалось бы, утраченного навсегда, ярко вспыхнет, обретет форму, возродится. А почему именно это из огромной массы запасов — трудно ответить. Появилось - и все.

Вот так пришел ко мне клюквенный кисель из давно минувших лет. Было это в годы 1923 - 24-й.

Меня привезли в Камышлов из деревни учиться после четвертого класса сельской школы в Единую трудовую II ступени. Впервые я оказалась одна среди чужих. Это было интересно и тревожно. В огромном, по моему в то время представлению, здании из красного кирпича в бесконечный коридор выходило так много совершенно одинаковых дверей (двери в классы), что не просто было найти нужные, куда меня кто-то отвел в первый раз. Ведь за каждой дверью стояли одинаковые парты, а на стене висела доска, такая, как и за другими дверями. Я боялась выйти, чтобы не потеряться. Вместо одной, прежней, учительницы в этот класс после каждой перемены стали входить разные учителя - женщины и мужчины. Некоторые спрашивали наши фамилии, сверяясь с классным журналом. К концу занятий в моей голове стояла сплошная путаница. Я не могла даже кого-то отчетливо представить себе.

Не без труда добралась я до квартиры, где мне предстояло жить - это была улица Ильинская, дом № 1. У наших дальних родственников мне еще раньше приходилось бывать с мамой. Но сейчас здесь жила только одна, как мне показалось, древняя старуха, похожая на Бабу-Ягу. В одной половине дома у нее жила на квартире швея, а в двух комнатах другой половины, выходящей во двор, должны были разместиться мы, четыре девочки-ученицы. Две из них жили уже не первый год, а мы двое были новенькие. Нас поместили в отдельную маленькую комнату.

Время, как вода в быстрой речке, постепенно окатывает камушки. Постепенно привыкали и мы к изменениям в своей жизни. Повеселели, заговорили громко. Зима пришла. И вот однажды в большую перемену побежали мы на базар. А был он совсем рядом, на горке, где сейчас швейная фабрика.

Сколько же тут было народу! А лошадей, запряженных в широкие сани - розвальни! Чего только не было на этих санях. Но поразили нас темные, спелые замороженные комочки-катышки, как бусины, ягод клюквы. Поразили своим количеством. В санях, на чистом рядне, лежали целые горы этих ягод, полные сани! Глаз нельзя было от них отвести. На зимнем солнце они переливались рубиновым огнем драгоценных камней.

И еще - полные сани свежей мороженой рыбы. Это были по большей

части караси, такие аккуратные карасики средней величины, не большие и не мелкие, словно по мерке подобранные. Одни желто-белые, как бы просвечивающие внутри маслом, золотистые. Другие - серовато-черные. Не удержались, спросили, почему такие разные? И получили ответ: а потому, что из разных озер, вот и разные! На каждом возу были укреплены весы с чашками или просто имелся длинный стерженек безмена с чугунной шишкой на конце. Купцы отвешивали товар. Деньги у нас были, помнится, еще длинные такие бумажки, на которых имелись цифры с многими нулями - «лимонки». И мы не могли устоять, чтобы не купить по фунту клюквы и карасиков,

Клюкву погрызли прямо мороженую - что это был за изумительный вкус! Прохладная кислота до сих пор ощущается во рту.

На квартире хозяйка сварила нам душистую ушку. И еще научила варить на завтрак клюквенный кисель. А делать это надо было так: ложки две ягод положить в стакан, прибавить туда две ложечки сахару и столько же картофельного крахмала. Все это раздавить и тщательно перемешать. А потом подставить под кран кипящего самовара, открыть воду и быстро мешать. Когда стакан наполнится, в нем будет уже вкуснейший кисель. Так просто и быстро! Долго мы увлекались таким киселем, и не было для нас ничего вкуснее этого блюда.

Тогда в деревне был у нас уже надел земли, сеяли хлеб, держали скот, были лошадь, корова, птица. Конечно, мне привозили из дома продукты, поесть было что, но вот запомнились из всего именно кисель-скороварка да еще уха из карасиков, или эти карасики поджаренные.

А вот почему все это запомнилось? Не знаю.

М. Усцелемова.

За коммунизм 11 февраля 1989 г.

Она очень любила жизнь

Она родилась у самого порога весны – 27 февраля. Она – наша коллега, член союза журналистов, писательница Маргарита Васильевна Усцелемова.

Она хотела жить долго, потому что очень любила жизнь, старалась не придавать значения болезням, недомоганиям и прочим неприятностям. Она рано вставала и спешила в свой сад. Какой это был замечательный сад! Каждый проходящий в него восхищался ее удивительными георгинами, пионами, ирисами, маргаритками и ромашками. Ее любимым сортом помидоров были Де-Барао. Они росли перед самым окном, эти деревья – помидоры, и красные плоды их украшали ветви, как елочные игрушки новогоднюю елку.

А бывало, придя на празднование 8 Марта в редакцию, она приносила с собой огурец, вызревший к этому дню на окне. Рука, видимо, у нее была легкая, все посаженое ею росло пышно, весело и радовало всех. Наверное, у каждого из нас, дома или в кабинете, осталась памятка о ней – цветок или сорт каких-нибудь огородных растений.

Она часто писала о комнатных цветах, садовых или дикорастущих. Как она умела описать их, будто кисть художника помогала ей передать и форму, и все многоцветье. Кстати, она ведь и рисовала неплохо, и стихи писала, не только рассказы.

Дочь сельской учительницы, до 12 лет жившая в деревне, вероятно, там и впитала она в себя эту любовь ко всему живому. Она любила кошек, собак, птиц. Она лечила их, устраивала их судьбы, а уж как хорошо жилось ее четвероногим – болонке Ладе и овчарке Вьюге. Как они были умны, а как переживала Вьюга, когда хозяйка заболела. Она уже что-то чувствовала.

Читаю в одной из ее статей: «Существо человека прежде всего свойственна гуманность, иначе в нем откроется брешь, ведущая к варварству и садизму». И эта гуманность двигала ее пером, когда она писала свои рассказы. «Свет о окне» - коротенький. Но так много вместивший в себя рассказ о судьбе простой женщины Екатерины Алексеевны – нянечки из роддома, завоевавшей право на счастье материнства в нелегкой борьбе.

А как неожиданно поворачивается сюжет в рассказе «Березовый батожок». Героиня рассказа – старая Антонида – из раскулаченных, бывшая в молодости красавицей, вышедшая замуж не по любви, мстит всю жизнь сначала мужу, потом дочери за свою, как ей кажется, несложившуюся судьбу. Одно у ней было в жизни счастье – сын, да и тот погиб на фронте. Не дает она по-настоящему жить дочери Зое. Живет Зоя двойной жизнью. Живой, настоящей в школе, с детьми, и подневольной, робкой дома с матерью.

Приезд журналистки местной газеты неожиданно растопил ожесточившееся сердце старухи. Пересказать в короткой статье невозможно, как мастерски ярко, правдиво рисует Усцелемова характеры героев.

Прочитайте ее сборничек «По-над Юрмычем деревня» - не пожалеете. Все-таки был у нашей землячки дар, и немалый.

В своем очерке «Пиньевский» Маргарита Васильевна пишет, как будучи девчонкой, она и ее одноклассник Костя Реут, ведомые любопытством, проникли в дом, а точнее в хибару, странного человека, жившего в Камышлове в 20-е годы, своеобразного юродивого, ходившего босиком зимой и летом, торговавшего книгами и умеющего предсказывать судьбу.

Маргарита Васильевна позднее говорила, что он действительно по линиям руки предсказал ей успех в будущем и даже некоторый талант, а Костиным талантом восхитился и вдруг оборвал себя.

- Он увидел, что Костя рано погибнет. Мы тогда не поняли, почему он перевел разговор на другое, а он увидел его раннюю смерть, - вспоминает она.

Она не была суеверной, не верила в черную и белую магию. Но то предсказание не давало ей покоя.

А была ли она счастлива в жизни? Первый муж репрессирован. Молодая, с двумя малолетними детьми, со старенькой мамой, она уповала только на свой труд. Позднее встреча еще с одним человеком, недолгое счастье, его смерть. Рождение еще одного сына. Школа и тяга к литературе. Выкраивала минутки и писала, писала. Сначала для себя, потом начали печатать. С сыном отправились в Якутск. Да там и осталась работать в журнале «Полярная звезда». Там вышла ее первая книга «Апрельская пурга». Вернулась в Камышлов в 1976 году, в Свердловске вышла вторая книга. Лежат у нас в архивах ее стихи, ее последний рассказ «Черная осень», еще не увидевший света...

Е. Флягина.

«Камышловские известия», 1996 г., 29 февраля.

«Процесс писания мне важен»

Имя Маргариты Васильевны Усцелемовой знакомо нашим читателям по рассказам, по материалам на морально-этические темы. Пишет она и стихи.

Интерес к творчеству М. В. Усцелемовой проявили члены городского клуба книголюбов, пригласив ее на одно из своих заседаний. В зале собралось немало молодых, не все из них сумели прочесть книжку Маргариты Васильевны, выпущенную Средне-Уральским книжным издательством в 1977 году. Этот сборник рассказов о наших современниках, женских судьбах называется «По-над Юрмычем деревня». Зато у тех, кто давно следит за творчеством нашей землячки, небольшая синяя книжечка занимает почетное место в личных библиотеках.

Со сборника рассказов и начался разговор читателей с его автором. Книголюбов интересовало: с кого пишутся герои. Отвечая на вопросы, гостя клуба рассказывала о себе, о том, как стала писать. Сначала для себя, потом в местную газету «Знамя коммуны» — так она тогда называлась, в «Уральский рабочий», журнал «Урал». Герои ее очерков и рассказов холмят рядом, у них такие интересные судьбы, что сами просятся на бумагу.

С особым чувством М. В. Усцелемова вспоминает плодотворный якутский период своей жизни, когда работала в журнале «Полярная звезда» и где вышли ее первые две книжки. Там, в Якутии, она впервые увидела приезжавших туда на встречи писателей Баруздина, Твардовского, Берестова и других. О якутских впечатлениях книголюбы готовы слушать еще и еще, но вот новый вопрос: «О чем пишете сейчас?».

И Маргарита Васильевна рассказала, что ею задумана повесть о трудном становлении оступившегося в жизни парня. Многие главы уже написаны, одну из них с большим интересом прослушали собравшиеся в зале. Будет ли повесть опубликована и когда? Пока об этом рано говорить. «Понимаете, мне важен сам процесс писания», — призналась членам клуба писательница. Кстати, Маргарита Васильевна очень не любит, когда ее так называют. «Я журналист, член Союза журналистов СССР. Это, прежде всего. Считаю, что вся моя жизнь связана с нашей местной газетой, которая меня и вырастила как журналиста».

Но не всегда Усцелемова была журналистом.

...Заседание клуба подходило к концу, гостя раздавала автографы, когда к ней подошла миловидная молодая женщина. Протянула старую школьную фотографию. «Узнаете, Маргарита Васильевна?».

Ой, Рита! Это ты?!

Да, я. Пришла вот с дочерью показать ей свою первую учительницу. Такую, какая вы есть в жизни, а не на фотографии.

И стали они вспоминать, кем стали бывшие ученики начальной школы в Закамышловке. Среди ребят в центре снимка снята сама Маргарита Васильевна. Это ее последний выпуск, а затем — Якутия. Девочка Рита была одной из лучших учениц в классе, а сейчас — уже начальник цеха на швейной

фабрике СПШО «Одежда», зовут ее уважительно - Маргарита Александровна Прожерина.

Вот такая неожиданная встреча произошла в тот день в клубе книголюбов.

Т. Иванова.

«За коммунизм», 1987 г., 6 июня.

Щедрый дар

Считается, что женщины предпочитают скрывать свой возраст. Но Маргарита Васильевна Усцелемова никогда не делает этого. Она гордится своим возрастом. И вслед за певцом может сказать: «Мои года мое богатство». За плечами Маргариты Васильевны интересная жизнь. Сколько она вместила впечатлений, сколько встреч! Ей было пять лет, когда свершилась Великая Октябрьская Социалистическая революция, но она запомнила, как восторженно встретили это сообщение ее мать и бабушка - обе учительницы сельской школы.

И вот в одном из своих материалов Маргарита Васильевна вспоминает, как ее мама писала первый в Печеркино революционный плакат. «Она знала по книжкам, что такое плакат, что на нем должны быть написаны самые главные слова. А как, чем их написать? Попробовала мелом, сыплется мел. А если его растолочь и развести водой?.. Кто-то подсказал: «Молоком разводи!». Получилось. Высохли слова и не отпали. «Вся власть — Советам!» — не было ничего важнее этих слов».

Коллективизация, ликвидация безграмотности. Для нас это история, для Маргариты Васильевны — жизнь. Она пошла по стопам матери и бабушки, стала работать учительницей, но ее всегда влекла профессия журналиста. Работая в школе, она писала в газету, где рассказывала о своих учениках, анализировала их поступки, размышляла о воспитании детей в семье. Нередко можно было увидеть на страницах газеты ее стихи.

А однажды, путешествуя летом по реке Лене, она написала о ней свои путевые заметки и отнесла их в редакцию якутской газеты. Редактор сразу обратил внимание на незаурядность ее материала, а так как газете требовался сотрудник, Маргарите Васильевне было предложено место в газете. Позднее она стала литературным сотрудником журнала «Полярная звезда». В Якутске прожила Маргарита Васильевна до выхода на пенсию. Там вышла в свет ее первая книга «Апрельская пурга», а позднее, уже Средне-Уральским книжным издательством была издана ее вторая, полюбившаяся многим камышловцам книга «По-над Юрмычем деревня».

Однажды в Свердловске в одном из учреждений я увидела, как пожилая женщина-вахтер читает книгу Маргариты Васильевны. Узнав, что я землячка Усцелемовой, она попросила передать ей огромное спасибо:

— Я читаю и вижу перед собой все описанное. Это надо было все пережить, чтобы так правдиво написать.

С годами пришла мудрость. Умеет Маргарита Васильевна за частным случаем увидеть какую-то общую нашу беду, умеет ненавязчиво, просто дать совет.

Наверное, это потому, что, накапливая жизненный опыт, она не отстает от жизни. Много читает, следит за событиями в мире, всегда в курсе всех новостей культуры, искусства и литературы.

Маргарита Васильевна большая мастерица печь пироги, шить. Руки ее одинаково ловко держат и швейную иглу, и лопату. Небольшой участок при доме — настоящее чудо. С ранней весны до поздней осени он благоухает цветами. Удивительные сорта помидоров, огурцов, ягод выращивает она. И всем, что имеет, щедро делится с людьми. Такой уж у нее прекрасный дар.

В день юбилея коллектив редакции поздравляет Маргариту Васильевну, желает ей здоровья, творческого долголетия, неутомимости бодрости духа.

Е. Флягина.

Очерки,
рассказы,
эссе

«Все выше, и выше, и выше...»

Новелла

Они любили эту песню. И тихими августовскими вечерами, на уютной скамеечке под яблоней часто пели вместе. Три брата: дядя Коля, дядя Ваня, дядя Кузя, так звали их дети.

В большом зеленом дворе стояло два домика и жили они в них со своими семьями одной дружной семьей. У Ивана Васильевича было четверо детей. У Кузьмы и Николая – по двое. А если вместе? Вот какое большое семейство! Как в каждом большом, бывали и мелкие неурядицы, огорчения. Как без этого?

Но братья не могли друг без друга. Этому же учили детей.

Бывает в сутках час, когда подошел к концу день, а ночь еще только собирается наступать. В такой час особо душисты цветы, особо прян укроп, с заречных лугов Пышмы явственно ощутишь запах донника, а тонкий, еле уловимый аромат поспевших ягод сливается с еще совсем юным дыханием уральского яблочка.

В такой час легко дышится, отступает все мелочное, обыденное, с удивительной прозрачностью этого часа невольно гармонируют и чистота мысли, и приподнятость духа. И само собой сердце просит песни.

Пятидесятые годы. Они имели свою умиротворенную окраску, свой аромат. Радостное пробуждение от кошмара: был только сон... Позади война, еще ноют к перемене погоды затянувшиеся раны. Но ты жив. Ты снова в родных местах, вокруг тебя твои близкие.

Двое братьев были участниками фронтовых событий, испытали горечь военных костров. Третий в непосильном труде на железной дороге, сутками не покидая рабочее место, тоже хорошо понял, что такое война.

Еще не стерлись, не стали окончательно прошлым воспоминания о тяжком многолетье, но все больше крепнет уверенность, что такое не повторится.

Им было о чем говорить на своей скамеечке, когда далекий гром добродушно бормочет где-то, заплутавшись между густых сосен заречья, когда всполохи зарниц на мгновение опаляют небо, когда августовская тишь по-матерински нежно баюкает душу.

Каждый раз вспоминались новые штришки, оттенки минувшего, что придавало беседам своеобразную искренность, особую близость.

Потом они пели. Их самые обыкновенные голоса сливались в задушевное трио, сами собой минуя законы вокального искусства. Так же естественно, как негромкие звуки вечера: шорохи и говорок листьев, далекие посвисты и всплески птичьих голосов сливаются в единый ансамбль августовской ночи.

«Все выше, и выше, и выше...» - выводили в упоении голоса.

Ни один из них не поднимал самолета в небо, «не стремил полет стальных птиц», не было им знакомо опьяняющее чувство высоты и скорости.

Но разве любимая песня только об этом? Ничего подобного. В ней всегда

будет жить железная уверенность в настоящем, заветная человеческая мечта о высоком будущем, «в каждом пропеллере – спокойствие наших границ!». Это так прекрасно и достойно человека.

* * *

...На смену одному августу приходил другой, такой же мирный, сытый. С ним удалялось что-то одно и приходило на смену другое – новое.

Росли дети, старели отцы. Постепенно один, второй, третий уходили. Их место в жизни занимали внуки.

В августе родился очередной правнук братьев. Мальчика назвали Иваном, в честь прадеда.

Узнать бы, какой будет любимая песня Вани в 20-е годы третьего тысячелетия? Она обязательно будет, будет совсем другая, но и она прославит и свое время и великое достоинство человека.

М. Усцеломова

«За коммунизм», 1988 г., 6 авг.

Верность (очерк)

Верность - категория многогранная. Верность слову, делу, человеку, традициям. Жизненным принципам. Родине. В любой грани верность содержит высокоморальные качества. Что такое любовь без верности? А солдатский долг? А родительские чувства, как и сыновний долг? Верность - это прочность, надежность, долголетие.

* * *

Пришли ко мне эти мысли после встречи с двумя, как они сами выразились, счастливыми людьми, отметившими золотую дату совместной жизни. Даже краткое погружение в их мир имеет действие очищающей радости. Словно омылся ты живой родниковой водой. И поблагодарить хочется...

Новая, 18. Домик ни по величине, ни по окраске ничем не отличается от других в ряду. А вот взялся за ручку двери, и обьял тебя особый дух уюта, давно обжитого, очень любимого дома, бог которого – чистота.

Вот и его хозяйева. Дом и его хозяйева - это всегда что-то единое. Оба тоже уютные, аккуратные, крепенькие, почти одного роста, даже чем-то похожие друг на друга, хотя глаза у нее голубые, а у него - карие, но одинаково чуть прищуренные, с добрыми лучиками незаметных морщинок.

Пятьдесят лет тому назад в яркий августовский день в родное село Боровицы Кировской области приехал в отпуск бравый военный. Приехал с определенной целью: ждала его здесь чудесная девушка Машенька – говорунья, певунья, бойкая и красивая. Знал он ее, наверное, с самого рождения, так как был на шесть лет старше.

Конечно, заметила его впервые она. Такого как не заметить! А вот когда же он увидел ее по-другому, по-новому? Уж не девчушкой, а девушкой? Пожалуй, и не вспомнить. Но это чудо однажды произошло, и одним жаром охватило обоих. Они встречались, потом переписывались. Она ждала его. Ожидания не обманулись. Стала Машенька женой военного Василия Григорьевича Боброва. И с этого часа началась у них единая жизнь, независимо от того, были ли они вместе или порознь.

После курсов в Свердловске Бобров продолжал свою службу в Латвии, туда и приехала к нему жена. А весной перебрались уже в Литву. Время было беспокойное, в воздухе крепко пахло порохом. Жен военнослужащих у ч и л и стрелять, перевязывать раны - пригодится. Началась финская война.

А тут и то незабываемое утро...

Чуть рассвет брезжил. Впереди - выходной день. Заранее строились планы, как провести вместе короткие часы. Разбудил гул самолетов. Летели низко, сначала - четыре. Вышли над городом, и, как картошка, посыпались бомбы. За ними от польской границы (до нее было семь километров) ринулись другие, со свастикой, без счета.

Муж - в свою часть. А жена, помешкав часок, не одетая, только плащ накинув, ничего не захватив с собой, выбежала на улицу. А там... На попутной машине в Каунас, оттуда таким же образом - в Минск, потом - в Москву, где первых беженцев встретили хорошо.

Уехала в родное село к маме. Месяцев через шесть восстановилась связь с мужем, он написал своим родителям. Без дела не сидела, проработала там до 43-го года, а все хотелось на фронт, чтобы к Васе ближе.

В очередной набор девушек пошла добровольцем. Привезли в Полтаву. С частями ПВО - на фронт. Охраняли американский аэродром. На «точке» из семнадцати человек трое мужчин, остальные - девушки. Она старше, замужняя, так и пришлось быть поддержкой и опорой для остальных. Помимо своей работы, еще «на общественных началах» поварила, кормила всех. Бывало, крепко и им доставалось, если засекут, «точку». Правда, все остались целы, но многих ранило. А у нее осколок лишь шинель пробил, да в юбке запутался. Молодые посмеялись, и только. «Точку» перебросили на переправу Днепра. Тут и война кончилась. Осенью 45-го демобилизовалась. Так рассказала о себе участница Великой Отечественной Мария Ивановна Боброва.

Молча слушал ее Василий Григорьевич, изредка поддакивая. А вот о себе говорил очень мало.

- Звание у меня такое - техник-артиллерист. Трудно было в войну. Снабжение оружием, техникой. А ее не только в обреш, а вообще мало, кот наплакал. Чуть прокол - сразу стрелочников ищут. Многие на этом деле головы положили, не только в честном бою. Мне еще как-то везло, выкручивался. Три раза контузило. Землей засыпало, кто-то случайно запнулся и откопал. Тяжело вспоминать-то, - замолчал Василий Григорьевич, а пальцы рук неумно запрыгали.

- Не может он обо всем этом, - как бы извинилась за мужа Мария Ивановна и продолжила свой рассказ. - В Первый май 1946-го года, как сейчас помню, приехал в Боровицы Вася и забрал меня в Германию, на новое место службы. Там и жили, пока не демобилизовался в звании капитана арттехслужбы. И опять в родное село.

- А как на Урале оказались?

- Брат мой, Николай Иванович Нагибин, жил и работал в Камышловое, - продолжает Мария Ивановна. - Я ведь из «богатой» семьи, нас у мамы десять детей было. Вот и приехали сюда в 1948 году.

- А в 51-м купили этот домик, - это уже Василий Григорьевич вступил. - Стали его улаживать. Дети пошли.

- Еще трех стариков обхаживали. Его мать с отцом и мою маму. Совесть спокойная перед ними.

- А вы знаете, - говорит старшая дочь Бобровых Валя, - это же настоящий подвиг за стариками ходить. Бабушка много лет недвижима была. Детей вырастить - я сама мать - скажу, куда легче.

У Бобровых трое детей и шестеро внуков, по два у каждого.

- А вот правнуков долго ждать придется. Старший Игорек недавно из армии пришел, остальные все еще учатся. - Ну и на Игорька, мама, не очень

рассчитывайте, - добавляет Валентина Васильевна, - Пойдет в институт, разве он своей радиотехнике изменит? Да пока сам на ноги не встанет.

- Подождем! - соглашается Мария Ивановна. — Нам не к спеху.

Действительно, рановато еще «молодоженам» правнуков баюкать. Весь бодрый облик говорит за это.

- Дети у нас хорошие. Семьи крепкие, никто не расходился, не разводился.

- Было с кого пример брать, - поддерживает дочь. - Велика сила примера, всем известно,

- Из-за детей да стариков мой рабочий стаж прошел как-то урывками. Пенсию большую не заработала. Да нам хватает. Детям не помогаем, как это нынче водится, больше они нам. Расходы наши невелики. И своя земля кормит. Все есть, всякий овощ. А ягод, ягод нынче! Пойдемте, посмотрите.

Если человеку есть, чем гордиться, он всегда рад вынести на суд зрителя свою гордость.

Вишни, и правда, усыпаны, массой спелых плодов. Как видно, хозяйка еще не трогала урожая, ждет внуков. На родительский праздник приедут все. Пока вот только Валя с семьей из Мангышлака первая прибыла. А тут и Галя с сыном и дочкой из Челябинской области, и сын Володя из Верхнего Тагила с Олечкой и Васей. Василий Бобров - гордость деда, внук пронесет его имя в век следующий.

Будет чем полакомиться юным «бобрятам». На маленькой площади, участка все потеснилось в завидном порядке, ухоженное, взлелеянное, уютное, как хозяева, как их домик. Все, чего касаются руки юбиляров, надежно служит человеку. Есть у них и банька, и летний домик - чистенькая комнатка, оклеенная светлыми обоями.

- Комната смеха! - как называют ее внуки, которым, как видно, так весело в ней.

* * *

В заключение осталось сказать о том, как тепло и торжественно была отпразднована золотая свадьба в городском клубе. Звучал там и марш Мендельсона, были поздравления и пожелания, цветы и песни, даже детский хор исполнил милую песенку о бабушке.

С большим чувством благодарили дети своих родителей:

- Все, что есть хорошего в нас, все это ваше...

- Спасибо за все, что вы для нас сделали, как воспитали нас...

- Простите, если мы порой огорчали вас...

- Живите долго на радость людям...

Взволнованные, нарядные, счастливые, помолодевшие, родители всем своим видом демонстрировали эту самую многогранность верности, ее прочность, надежность.

И, глядя на них, наверное, у многих шевельнулось в груди чувство хорошей зависти: вот бы и мне дожить до такого дня, вот бы и меня так поблагодарили дети!

Только не всем это дано. Не все могут вот так откровенно назвать себя счастливыми.

Счастье заслужить надо.

М. Усцелмова.

«За коммунизм», 1988 г., 3 сент.

Черная осень в Никольском

По «бульвару» - насыпи возле полотна дороги была хорошо протоптанная дорожка для пешеходов. Автобусы тогда еще не ходили, шел 1930-й год. Мне предстояло преодолеть каких-то тринадцать верст от г. Камышлова до села Никольского – места моей новой работы. По тем временам это были сущие пустыки. Вышла я ранним утром и наслаждалась сейчас свежестью, чистотой и ароматом настоящего летней спелости воздуха.

Очень любила и песню про вороного конька, которому умирающий боец просил передать, что он честно за рабочих. Эту песню тогда пели всюду, пели, вкладывая всю душу. И не только ребята, но и девчата были уверены, что сможем, не раздумывая, отдать свою жизнь за рабочих.

У меня было прекрасное настроение. И я была молода, здорова, уже поработала самостоятельно целый год в школе учительницей. По моей просьбе меня перевели в другой район, ближе к дому, где работали тоже учителями мои мама и бабушка. Мне дали хорошую характеристику: «...Активно участвовала в общественной работе». Я хорошо стреляла из малокалиберки, руководила «синей блузой», писала тексты, ставила физкультурные номера, пирамиды...

Мне нравился досармовский костюм-юбка и гимнастерка под ремень защитного цвета. Но вот в нем уже и жарковато на ходьбе стало. Сняла гимнастерку, под ней в крупную черно-зеленую полоску футболка с длинными рукавами.

Девочки носили короткие волосы, под кружок а мне было жаль обрезать свои длинные косы, так и «маялась» с ними, больше носила, заплетая в одну косу. Вот такой я была в то утро. Было мне восемнадцать лет.

А вот и поворот направо, проселок. Вот село как на ладони. Церковь. Красивая, стройная, с колоннами, свежепобеленная. Да и в солнечных лучах наверху ослепительно поблескивает... крест! Надо же! Значит, еще работает церковь. Вот подарочек. Будет с ней мороки безбожникам: долой-долой буржуев, долой-долой попов! Большое село, до революции хлебное, торговое. Благодатные вокруг земли, хорошие урожаи. Богатые хозяева, многие выписывали сельхозмашины из-за границы. Жили в больших домах, большими семьями. Кроме своего зерна, покупали еще в соседних деревнях и продавали камышловским купцам, а у кого и свои в городе лавки имелись. Верующие, богомольные. Сразу после ленинского закона о земле хозяйства стали быстро вновь подниматься, взяли направление на культурное хозяйство. Мы-то комсомольцы знаем, что под этим скрывалось кулачье! Будет с ними возни, ох, будет. Со всей самоуверенностью молодости, я уже была готова к борьбе.

К первому сентября я обживала маленькую комнатку в большом частном доме. Мои хозяева Алферовы, муж и жена, были бездетны. Хозяина, пышнобородого красавца-богатыря видела я редко. Он все время уезжал куда-то. Мария Неофитовна, высокая худошавая, с какими-то всегда испуганными глазами казалось мне возраста неопределенного, конечно же старая. В наши годы, все, кто был старше нас, казались нам стариками... Хозяйка согласилась

кормить меня, так что никаких забот и хлопот не предвиделось.

Ученики пришли в школу аккуратные, чистые, но почему-то очень серьезные и молчаливые, со всем соглашающиеся. Начались занятия. Класс оказался большой – около сорока человек, но занималась я с ними прямо-таки с удовольствием.

Прошел месяц. Вызвали меня однажды на собрание партячейки и сообщили, что в связи с некоторыми серьезными обстоятельствами мне временно придется по хлебозаготовкам. На сколько? А это уж на сколько потребуется, моим классом будет заниматься другая учительница во вторую смену.

Приняла я это известие не без чувства некоторой гордости: как же, мне поручили важное государственное дело, считают, что я оправдаю это доверие.

Комиссия работала ночами. Прихожу на первое дежурство. Маленькая, вросшая в землю избенка, долго стояла пустая, вот и приспособили. Жалкий свет единственной коптилки на столе/ лампы без стекла, электричества в селе еще не было/. Густой, синеватый воздух от едкого махорочного дыма. Голый деревянный стол. За ним в неясной дымке несколько мужчин в верхней одежде, в головных уборах, мрачных, неразговорчивых. Кое-кого я уже знала. Это были сельские активисты. Возглавлял комиссию уполномоченный из района. Был он рабочим из кожевенного завода. Его послали – он подчинился. Но все для него было чужое, неинтересное – об этом говорил весь его облик. Ему бы в любую минуту вернуться обратно, домой.

Был еще один уполномоченный, молодой комсомолец. В кожаной куртке, в клетчатой кепке с широким козырьком, закрывающим глаза. А глаза нагловатые, перзрительные, никому и ничему не верящие. Все сам знает, уверен во всех своих действиях.

Встретил меня, как спасительное пополнение.

- Сидят, понимаешь, ничего не делают. Дундуки. То ли чего боятся, то ли сами кулачью подпевают. Вот паримся, бьемся, вроде, а каждый процент со скрипом. Действовать-то надо, а они ... - махнул безнадежно рукой.

- Сам хлеб не придет, брать его надо. А эти, как их, зажимщики, свое талдычат: нету хлеба, нету... Понимаешь, политики.

Пухлые, безграмотные списки, истрепанные, просаленные от частого перелистывания. В них фамилии тех, кто должен сдавать хлеб государству, общее количество в пудах. Отметка – сколько и когда сдано. У многих эта графа пустая. У кого-то – пуд-два. По этим спискам делается выборка, и неплательщики вызываются «на комиссию» для беседы. Каждую ночь дежурят два-три старика из бедноты, бегают вызывать. С вызванными проводится работа. Им без конца объясняют, зачем нужно сдавать хлеб, о том, как у нас растет промышленность, как много выплавляется чугуна, как самоотверженно трудятся люди на заводах. Как им нужен хлеб. И все это как-то бесстрастно. Всем это надоело: и тем, кто говорит, и тем, кто слушает.

И только не выдерживает Гришка, тот, молодой. Не буду называть его фамилии, может быть, человек еще живет и жизнь давно изменила его взгляды и характер. Вот он частенько скрывается на крик, на угрозы, делает вид, что

хватается за оружие.

Я пока молчу – приглядываюсь, прислушиваюсь, составляю свое мнение. Мне передали всю документацию – как никак, самый грамотный человек. Списки к тому же переписать набело.

Появляются вызванные. Одни явно одеты в декоративное тряпье, рвань, заплаты. Некоторые беспрерывно кланяются, со всем соглашаются, говорят униженно, негромко...

- Нету, товарищи-граждане. Хоть рестуйте, хоть под расстрел. Ничего нету. Ребятишки голодные, ревмя ревут.

Явно переигрывают, ему никто не верит, отрезвляют криками:

- Я ты чего это, Трухин, раздел с сыновьями затеял? Скот продаешь. Откуда справку взял?

- Да что с имя поделаешь? Измором берут – делиться и делиться! Вырастил, выкормил на свою голову. А телку я того, телку за долги отдал, должен был...

Были и другие – спокойные, серьезные, одеты как обычно – аккуратно, чисто. Эти не унижались. Не теряли собственного достоинства. Попытались доказать, почему урожай у них нынче ниже. Приводили точные расчеты, сколько требуется, чтобы прокормить столько-то человек до нового урожая. Он уж а так сдал, сколько мог, а больше...

- Мало сдал, Овчинников, очень мало. Ну, твои дети доживут до нового хлеба сытно, а как тем детям, в городах? Ты о том подумал? У тебя молоко, картошка, а они там чем детей накормят? Это понимать надо.

- Понимать можно. Но ведь у нас государство.

- Молчать, сука! – срывается Гришка. – Государство ему. Государство тебе землю дало не для того только, чтоб ты своих щенков кормил.

Овчинников натуго сжимает губы. Больше ничего не произносит. Таким я верила и сочувствовала.

По три-четыре человека уходили на обыски, тоже ночью с фонарями. Обычно хлеб находился, ведь шли «по сигналу», по доносу. И как же было горько, если этот хлеб был безнадежно испорчен. То в конюшне зарыт, куда легко проникала навозная жижа, или мешки сваливали в старый колодец они расползались, а зерно вываливалось в воду, мешалось с песком. Находили хлеб в самых непредсказуемых местах. Нарушителей арестовывали, увозили в город, судили.

В комиссии работал избач по фамилии Баранов, чернявый, живой человек с удлиненным лицом, напоминающим мордочку овцы. Носил бессменную шинель с гражданской войны, а под ней, наглухо застегнутой, вряд ли было что-то достойное внимания.

Был он «шибко идейный». Человек предельно честный, верно служил тому, что происходило вокруг без сомнений и колебаний. В его кармане или за пазухой всегда находилась газета со словами вождя, к которой он обращался в каждом нужном и ненужном случае. Воздействовал он на неплательщиков «горячим» словом с приведением цитат, теряя чувство меры и времени. Но его не перебивали. Виновный упирался глазами в пол и терпеливо ожидал конца,

чуть покачиваясь. Члены комиссии тоже терпеливо ждали, возможно радуясь передышке, сокращающей долгие час ночи.

Бывало, сутками будоражила всех очередная новость. Торопясь и захлебываясь, добровольный посол рапортует:

- Семка Нагленок весь скот топором изрубил!

Это было ужасное зрелище. По своему щенячьему любопытству побежала и я посмотреть. Мужик средних лет с разлохмаченной бородой, дикими глазами метался по подворью, перепачканный, с окровавленным топором.

- Чего подъявились? Цирк вам тут? Какое ваше дело? Сам вырастил, выходил. С теленочка, с поросеночка... - Показалось, что всхлипнул, жалобно рот скривился. – Молочком. Сам хочу – рублю, хочу... Никто не указ. Вот так. А ну, не подходи. И топор его быстрее закрутился.

Семку все же скрутили, милиционер с доброхотами отвезли в город. А у меня в глазах долго еще стояла картина побоища, где разваленная голова свиньи уткнулась в перерубленную шею пестрой телки. Подношу кусок ко рту, а желудок сжимается, не принимает. И все обратно.

Разговоры о раскулачивании, о лишенцах становились все откровеннее. Участились побегі. То тихо и незаметно исчезала вся семья. То вдруг среди осенней темени необычно ярко вспыхивал амбар или дом. Кого-то из убежавших ловили, возвращали, отправляли в город. Пожары тушили. А тут объявились подметные письма.

Листочки из обычных школьных тетрадок в линейку. Написаны детским почерком, с ошибками. Говорилось во всех одно и то же. Как видно, были копиями одного, однажды пущенного текста.

Это было обращение к православным христианам, чтоб хлеб наш, кровь и силу нашу хранили пуще глазу своего, не отдавали супостатам-безбожникам.

Письма эти буквально наводнили село. Они были везде, на каждом воротах в каждой щели дома, даже у всех в карманах. Пробовали ловить распространителей, но из этого ничего не получалось – письма оказывались в шапках тех, кто ловил у членов нашей комиссии, у милиционера, у маленьких ребят в варежках. Все одинаково отрицали распространение. Так и рукой махнули. Постепенно волна сама собой схлынула.

В церкви в алтаре ночами стал гореть свет, когда туда однажды пришли комсомольцы, обнаружили только коленнопреклонных отца Николая и несколько древних стариков. И ничего преступного.

Жизнь пошла – не соскучишься...

Возвращаясь на квартиру под утро, я почти не притрагивалась к завтраку. Мария Неофитовна стояла возле стола, горестно прижав руку к подбородку. Смотрела сочувствующе и печально. Я уходила к себе, а сон не приходил, болела голова. Закрою глаза, а передо мною опять что-то из того, ночного, виденного. Оденусь, пойду в школу. Как же мне хотелось вот так же просто встать к столу, вызвать кого-то к доске, просто поговорить с ребятами.

Учительница хвалила моих первоклассников, гордилась их успехами. А они ласково терлись вокруг и все спрашивали, скоро ли я вернусь к ним?

Юлия Сергеевна многозначительно взглядывала на меня, плотно

поджимала прямые в ниточку губы:

- Вы понимаете, как это важно на данном этапе? И кто же, кроме вас? Вы молодые...

Я вспомнила ее лицо, удлиненное, с длинным носом, высоким лбом, гладко-гладко причесанными волосами, завернутыми на затылке в небольшую шишечку, когда впервые увидела артистку Инну Чурикову. Правда, у заведующей не было огромных глаз – были узкие, бесцветные под еле намеченными высоко поднятыми бровями, но...

Однажды во время очередной «лекции» Баранова по поводу статьи «Головокружение от успехов», с которой он не расставался, как только она была напечатана, успел десятки раз «разжевать» с большим удовольствием, приправляя собственными комментариями примерно такого рода: «Конечно, Урал – не Россия, это не все в точности к нам относится. Но какой великий пример для всех! Уметь признавать ошибки»... Где-то на этих словах я перестала его слушать, только видела, как шевелились губы. Потом ослепительно вспыхнул язычок копилки и бесследно исчез в абсолютной темноте...

Очнулась, когда кто-то обрызнул водой и совал в губы кружку:

- Голова, - только и могла сказать в оправдание.

- От табаку. Махра она... свалит. А ты того, девка, попробуй сама курить. Болеть не будет.

Попробовала. Голова, вроде бы не стала болеть, только пустела после каждой затяжки. Меркло все, отдалялось. Курить привыкла и курила еще долго, несколько раз пыталась бросить, а оставила эту пагубную привычку лишь во время первой беременности.

У нас, членов комиссии, хватало недоброжелателей. В черные, хлопающие грязью ночи, нередко из-за угла летели поленья, а то и стреляли из каких-то «пушек». Но пока все шло благополучно. Только Баранов лишился кромки уха. Поодиночке не расходились, хотя мне не было страшно. Почему? Наверно, по молодости, когда даже мысль о смерти не приходила. Все еще впереди, а значит, и быть не может никакой смерти. Но вот зарождалось какое-то непонятное неприятие, отторжение того, чему я невольно оказывалась свидетелем. Что-то странно двоилось словно в меня, какую я себя до этого знала, еще втискивается кто-то другой, требуя довольно нахально жилой площади, вызывая порой сомнения в том, в чем этих сомнений раньше и быть не могло.

Однажды ранним, еще ночным утром, когда мы выходили «с работы», Баранов сказал:

- Пошли.

_ Куда?

_ Узнаешь.

Мы направились на окраину, к тракту. Был там клуб. Деревянный барак. Приспособленный из старой пересылки, где раньше останавливались на отдых кандальники, шагавшие по великому сибирскому. Пробирались без света, ощупью за сцену, там была маленькая комнатка для артистов. Послышался

шорох – кто-то уже там был. Баранов назвался. Чиркнула спичка, в ее неверном свете мелькнул самодельный, из какого-то щита стол, вокруг несколько человеческих фигур. «На столе» сверкнуло стекло бутылки.

Я дернулась обратно. Баранов удержал:

- При нашей работенке разрядка нужна. Выпей – спать будешь!

Меня на что-то посадили, дали стакан.

- Пей сразу. Хрушко глотай. Не дыши. Опосля дыхнешь.

Безвольно, не раздумывая, я выполнила приказ. Мне было все равно. Я не задохнулась, не подавилась. Даже опаляющего ощущения во рту и горле не почувствовала. Только на мгновение дыхание перехватило. Баранов принял пустой стакан, похвалил:

- Молодец!

Был и второй стакан. Позднее я узнала, что собиралась сюда «разряжаться» те. Кому было «до чертиков». У Баранова снова в загуле Лида. У экспедитора потребительского общества совсем уехала жена, у счетовода сельского Совета не сходилось «сальдо с бульдой». Были, как видно, свои причины и еще у двух человек. Экспедитор поставлял «горючее». Делалось это просто. Во время поставки товара из города он изымал несколько полных бутылок и заменял их сломанным стеклом. Дорога-то вон какая, все переколотишь! Списывали.

Выпивка эта не походила на пьянку. Не было ни громких разговоров, ни обычных песен. Было тихо, только изредка стекло позванивало. Кто-то, «созрев», молча отползал в угол за занавес в какое-то тряпье. Кто мог, тот молча уходил домой. Как ни прислушивалась я к себе, не могла обнаружить признаков опьянения. Даже мелькнула мысль о мистификации. Что мне дали выпить? Воду? Зачем?

На квартире отказалась от завтрака, и в свою комнату не пошла: залезла на голбчик, возле печки и, закрывшись с головой какой-то одежкой, мгновенно провалилась в небытие. Спала крепко, долго, но билась, кричала, мучили кошмары. Не раз будила меня хозяйка, решив, что я заболела. Весь день не вышла из дома, куда уж тут. Стыдно было, не в школу же пойдешь?

Когда становилось невыносимо, еще несколько раз заходила в комнатку за сценой.

Оставались считанные дни до нового 1931 года. Крепчали морозы. Густые клубы пара сопровождали каждый раз входивших и выходивших из нашей пещеры.

С декабря, помимо работы в комиссии, нас посылали еще отправлять раскулаченных. Готовили их другие, описывали имущество, скот, ночами (опять ночами!) – к домам подавались подводы, а мы: чаще других Баранов, Гришка и я должны были провожать.

Это был наш, примерно третий, выход. Первые – прошли благополучно. В семье одни пожилые, без детей, молча вставали из-за стола, где сидели в ожидании, уже одетые, в зимнем. Молча выходили, садились. И кучер трогал лошадей. Правда, один все же не удержался, выходя, бросил в нашу сторону несколько нелестных фраз, дышавших безмерной ненавистью. На что Гришка

«посоветовал»: закрыть хайло, чтоб в другую сторону не уехать.

На этот раз еще на подходе к дому я услышала истошный детский плач.

- Режут они их, что ли? – пробурчал Баранов.

Было известно, что из шести детей хозяев, трем старшим девочкам разрешили остаться, чтоб самим жить, как сумеют. Их пока приютили родственники. Остальные должны следовать с родителями.

Когда мы вошли – все замолчали. Мать сидела с младшенькими на руках на руках, двое прилепились у нее по бокам. Отец метался из угла в угол с кнутом в руке и совал кнутовище то туда. То сюда.

- И куда, она окаянная, запропастилась?

Ярко горела под потолком лампа-молния, было хорошо натоплено. Жена, поглаживая малышку по спинке, следила глазами за мужем. Негромко сказала:

- Да она, Матвей, на голове у тебя. Чего ты ищешь?

Они не замечали нас.

Гришка сразу начал с крика:

- Почему не готовы? Сказано было? Ждать мы вас будем. Лошадь стоит мерзнет, а они... театры разыгрывают. Живо чтоб у меня!

Ребятишки опять сразу, в три голоса, заголосили пронзительно, безнадежно. Женщина не тронулась с места, вполголоса уговаривая их. Гришка продолжал кричать еще что-то.

Женщина поднялась, опустила ребенка на пол, выпрямилась и истово перекрестилась во все углы. Закутала малыша, замотала платками головы старших, одела на себя потрепанную шубейку, сверху натянула облезлую ягу – меховую одежду, кверху шерстью из рыжей собачины, подняла ребенка, запахнула полы и всем своим видом, без слов сказала: «Ну вот, мы готовы».

В это время на ее лицо упал свет лампы, и я узнала ее. Да, да, моя родительница, приводила мальчика. Узнала ее глаза, строгие, большие, светлые, тонкий нос, маленький рот. Еще тогда подумалось – таких на иконах рисуют, богородица. Она так любовно говорила сынишке: «Старших девочек мало учили, по дому нужны помощницы, с ребятами нянчиться. А вот уж этого обязательно будут учить, толковый растет. Может, в доктора выйдет, или в учителя.

Как у них фамилия? Гридины. Алеша Гридин. Она тоже узнала меня, как запнулась, посуровела еще более, шагнула ближе и тихо так сказала:

- Дай тебе Бог, девушка, чтоб моя судьба тебя миновала, - и шагнула к выходу. Алешка и его братья вцепились в ее полы. Отец, подхватив узел с пожитками и тулуп, двинулся за ними...

От этого безмолвного шествия у меня заглодело в груди. Ну почему, почему они так покорно молчат? Почему не протестуют, не возмущаются, ни чего не требуют?

Мать села в розвальни, приладила возле себя малышкой. Отец закинул их сверху большим пышным тулупом.

Тут снова заорал Гришка, прямо-таки задохнулся от возмущения.

- Ты это что, Гридин? Ты что, понимаешь, крадешь? У кого крадешь? У своего государства крадешь? Вор ты, ворюга. Тулуп-то этот описан, сам

видел... А ты спер его, от советской власти решил утаить?

- Трещит мороз—от. Перемерзнут ребятишки-то... принялся оправдываться отец.

- Трещит, значит? – выхватил у него Гришка кнут из –под мышки. – Перемерзнут, значит? А, черт с ними, туда и дорога. Вон вы их сколько наплодили. Да ты знаешь, кто вы есть в настоящий момент? Самый вредный элемент. Враг ты есть, и все твое потомство вражье. Не потерплю!

Он размахнулся кнутом, сбил с Гридина шапку схватился за тулуп, сдернул его с ребятишек, толкнул мужика в сани и огрел кнутом лошадь.

Все это произошло так быстро, что я упустила нужную секунду, когда еще можно было остановить палача. Закричала с визгом:

- Ты! Ты... Что делаешь? Слова исчезли, в горле стоял туго ком, преграждая звуки, разрывая грудь. Я трясла Гришку с такой силой, что он, не ожидавший ничего подобного, разинув рот, мотался из стороны в сторону.

- Баранов, Баранов, - звала я на помощь. – Ты что стоишь? Люди вы или не люди? Останови их останови! Нельзя так, Нель-зя-я!

Опомнился Гришка, оторвал меня и толкнул на Баранова.

- Совсем осатанела. Полоумная. Пуговики оборвала. Помощнички, дерьмо собачье. На кой нам тут эти бабы! Утешай вот...

А я, припав к колючей Барановской шинели, уже билась в истерике, без конца повторяя одно и то же:

- Палачи, палачи...

Баранов обнял меня и повел вдоль по улице, утешая, приговаривал:

- Ну, ну, не надо так. Успокойся. Ну чего уж там. Все правильно. По закону. Какому закону? Мороз тоже по закону? И тут же я почувствовала его, мороз. Мороз пробирал хозяйскую шубейку, которую мне дала Мария Неофитовна, жалея мое единственное пальто, красивое, новое, я на него целый год копила. Да чтоб таскать его по всякой грязи! Противная дрожь проникала все глубже, уже заигрывала с моими внутренностями. Дрожь билась меня, я уже не могла больше справиться с ней. От мороза слиплись мокрые ресницы. Я слабела. Казалось, неумная дрожь опустошает меня, с ней уходит что-то главное, важное. Я пустею. Уходили все силы, все мысли. И эта пустота даже успокаивала. Наверное, я действительно, что-то не понимаю. Ведь есть же закон, протокол... Прав Гришка. Спокоен Баранов. А дети? Они так плохо одеты... тринадцать верст по морозу... Меня еще раз тряхнуло и я почувствовала, как одеревенели мои ноги, пошатнулась.

- Замерзла? Ничего, провожу до дому. На печку залезешь, - а у самого прыгали губы. Верно служила ему шинель, а сегодня и она ему отказала.

Не было в ту пору сообщений Гидрометцентра, не было и уличных термометров. Силу мороза определял сам человек.

Мария Неофитовна, вышедшая открыть мне дверь, испуганно отступила:

- Господь с тобой, матушка! Да чего такое приключилось? Перемерзла совсем! Вон как жмет погодка-то. Сейчас, сейчас... Чайку горячего. Как знала, - самовар разожгла.

Раздеться без ее помощи я не могла, как и сказать что-то. Еле

вскарабкалась на горячую печь.

- Погрейся, сперва, погрейся. Горячи кирпичи – от всякой болячки первое дело.

Потом принесла и заставила выпить пахучий горьковатый отвар какой-то травы:

- Простуду убьет. Пей, девка, пей!

Прошел день – не помню. Дремота сменялась криками. Гришка, его рот становился все шире, шире. Свистел кнут, плакали дети... Только под вечер еле дозвалась до меня хозяйка, чтоб пообедать. Закутавшись в большой платок, я безразлично смотрела в тарелку щей. Меня не было. Точнее, была другая, совсем чужая той, какой я была все прошлые годы. Одна пустая оболочка. А в этой пустоте одиноко копошится бесформенное, слабое, единственное, что осталось: предала. Предательница! Кричать, кусаться, драться, доказывать, но защищать беспомощных, слабых. А я сдалась, отступилась. – А что ты могла? – пискнуло что-то возле уха, - у них закон...

Мария Неофитовна смотрела на меня с таким участием, с такой болью, как могла смотреть только мать. Потом сказала:

- Ты когда в зеркало–то смотрелась? И потянулась к стене снять круглое стеклышко.

Я только головой покачала – не надо. Знала итак, что увижу. Как долго я живу, как устала. Что взять со старухи.

- Слышь, что скажу, - донесся голос Марии Неофитовны, - беги отсюда девка, без оглядки беги. Тебе жить еще. Схожу я к Зайкову, узнаю, когда за товаром поедет. Он в ночь ездит, как раз до станции и доставит. А может, домой поедешь.

- Домой – К маме, бабушке в домашнее тепло? Нет, не смогу. Что я скажу им, как рассказать о том, чего не понимаешь сам? Нет, домой мне нельзя ...Потом.

В ночь я уехала с экспедитором в город, на станцию. А утром была уже в Свердловске /Еще не очень мы привыкли к новому названию, все хотелось сказать – Екатеринбург/. Там жили родственники, брат моего деда по матери. Как-то я объяснила свое внезапное появление, чему, конечно, никто не поверил. Но это было уже неважно. Теперь ложь для меня становилась постоянной спутницей.

Мне нашли работу счетоводом в Горбане. Я механически пересчитывала по квитанциям ежедневную выручку, разносила что-то куда-то. С нетерпением ждала конца рабочего дня и ... не хотела идти домой – мне все было безразлично.

Меня нашел и часто писал мой бывший соученик. Присылал свои и чужие стихи, заполнял многие страницы описанием высоких чувств. А у меня не хватало терпения дочитать и до половины. И все звал к себе. Однажды я снова села в поезд. Мне было все равно. Ведь я и ему не верила. Никому.

Много лет спустя я пыталась узнать хоть что-то о судьбе Гридиных. Не знали о родителях ничего и их взрослые дочери. Так и исчезли в морозном небытии.

А вот слова женщины, ее просьба к Богу, что меня миновала ее судьба, вспомнилась мне в декабре 1937 года, когда ночью – опять ночью среди разворошенной после обыска квартиры, осталась одна со своими малышами.
Не миновала.

// Ранее нигде не опубликовано не было

Пиньевский (глава из повести)

Детство и ранняя юность известного уральского поэта К. Реута прошли в Камышлове. Здесь, из общения с людьми и природой, складывался его талант.

Несколько действительных эпизодов из жизни подростка, не по годам развитого, любознательного, своеобразного в восприятии окружающего, и легли в основу повести М. Усцелемовой «Камышловская весна».

Старшее поколение камышловцев, возможно, еще помнит рослого человека, встречавшегося на улицах города. Он не носил головных уборов и обуви в любую погоду. Жил в домике на конце улицы К. Маркса, на этом месте сейчас многоквартирный дом швейной фабрики. Знали этого человека под именем Пиньевский, он предлагал встречным книги и плакаты...

Время действия описываемых событий – 1924 год.

Зимние сумерки фарфорово холодны и хрупки. Узкой тропкой между окаменевших снеговых стен тащатся они друг за другом вдоль нескончаемого забора, обклеенного плакатами и какими-то фотографиями. Низенький домишко со слепой стенкой на дороге, тоже в бумажных заплатках, еле поднимается над забором синеватой булкой снега. Тут заканчивалась улица Торговая, выходящая на площадь перед Покровским собором.

Узкую калитку, вырезанную в заборе, можно обнаружить только по редким следам к ней. Незакрытая, она легко подалась. В темных сенцах ребята долго шарили в поисках ручки двери, обитой стеганным тряпьем.

В крошечной прихожей, куда выходила открытая пасть топки с бурно клубящимися желто-красными извивами пламени, световые блики из темноты выхватывали то угол дощатого стола, то крышку сундука с медной окантовкой, то давно немывтый пол, усыпанный мятыми клочками бумаги. Казалось, здесь давно никто не живет, и топится печь сама по себе, по своему желанию: захотела и затопилась. Ребята, только что воинственно настроенные, нерешительно переминались возле порога в напряженном ожидании. Наконец, Костя крикнул:

- Есть кто-нибудь?

Послышался шорох, и в проем узких пустых дверей вклинился человек: затылком голова упиралась в перекладину, руки – в косяки. Они сразу узнали его. Рыжая кочка волос, непричесанных и непокрытых в любое время года, привычно мелькала на улицах города, как и его босые ноги, одинаково босые по грязи и снегу. Лишь в лютые морозы бывали на них драные опорки.

Высокая фигура с откинутой назад головой, словно оттянутая тяжестью шевелюры, неизменная пачка книг подмышкой вызвала бесконечные пересуды у досужих горожан. Большинство считало Пиньевского душевно больным. О причинах ходили легенды. Одни доказывали, что был он студентом-революционером, во время разгона митинга его ранило в голову, вот он и тронулся. Другие утверждали, что был Пиньевский польским вельможей, ученым человеком. Безнадежно влюбился в русскую девушку, приехал за ней в Россию, а тут революция. Участвовал во взятии Зимнего, и сам Ленин благодарил его, руку пожал.

И еще шепотком, в темных углах, как великая тайна, передавалось, что человек он «знаткой», с нечистой силой в ладу. Может излечить от болезни, напустить порчу, указать вора и... да мало ли что такой человек способен. Если только захочет. А он не очень хотел.

В любую погоду, в любое время года бродил он по городу со своими книжечками, предлагая их каждому встречному. Где он брал их, чем жил, как – этого толком никто не знал. Даже имя его не было известно. Пиньевский – и все. Книги у него брали, Кто-то совал взамен синенькую бумажку, достоинством в миллион, другие ограничивались красными тысячами, а то и просо, взяв, отходили прочь. Он не бежал за ними, не отнимал, не просил заплатить. Тоненькие, еще дореволюционные брошюры Плеханова, Зиновьева, Ульянова. Изданные в первые годы после Октября на толстой шершавой бумаге тощие томики рассказов М. Горького, «Двенадцать» А. Блока, плакаты с угловатыми рисунками В. Маяковского, разрозненные книжки из собраний сочинений русских классиков. Лубки и сказки...

- Книга – наш лучший друг и учитель. Любите книгу! – повторял однотонно этот необычный коробейник без короба.

Были даже предположения среди приверженцев религии, что носит, мол, страстотерпец, под длинной блузой вериги, постом и умерщвлением плоти посвоему служит господу, замаливая какие-то страшные грехи...

Мысль о визите к Пиньевскому долго не давала покоя Косте, стала, можно сказать, прямо-таки навязчивой идеей. С неумемной энергией осваивая окружающее, он хотел знать правду и об этом таинственном человеке, как о всем прочем, еще не познанном, что следовало лично пощупать, понюхать, на зуб взять, как бы горько и жестко ни оказалось. Не мог промолчать об этом и с Любкой, а та за ним потащилась бы, глазом не моргнув, в любую берлогу, к самому мишке косолапому.

- О, прошу, Панове! Прощу, - хрипловато загудел хозяин, склонясь в театральном поклоне, чуть не задевая длинными пальцами грязного пола. – Сейчас будет свет! – Он отступил в темноту соседнего помещения, пошумел бумагой, коротким жгутиком достал из печи капельку пламени.

Свеча сначала потрещала и, склонив на бок тонкий язычок, осветила еще один голый стол, Высветить в углах у нее просто сил не хватило. Ничего страшного и таинственного не скрывалось в полумраке. Ни черепа, ни филина, даже черного кота, как ни всматривалась любопытная девчонка. Была нищета и убожество жалкого логова. Справа деревянное сооружение, некое подобие

ложа, слева, прямо на полу, книжное нагромождение.

- Молодых людей интересуют... открытки? – Но, внимательно оглядев гостей, переменял тон:

- Прошу простить, открытки вам не нужны. Так?

- Не нужны, - подтвердил Костя.

- Не нужны, - повторила за ним Любка.

- Чем обязан столь высокому посещению? – он указал на длинноногую скамью возле окна, заставленного картоном. – Прошу!

- Вы кто? – сведя брови в сплошную полоску, сурово потребовал Костя.

- Ого! – Пиньевский засмеялся, открывая крупные крепкие зубы. – Пан начинает допрос?

- Да, мы хотим знать, кто вы такой? – низкогато прогудела Любка, вышагнув из-за спины товарища и встав с ним рядом.

- Кто вас уполномочил? Вы сотрудники чека? – иронизировал хозяин.

- Нас никто не мог уполномочивать, мы сами. Нам интересно.

- Мы сами, - повторила Любка.

- Прошу простить. Только шутка. Рад познакомиться, - уже теплее сказал хозяин.

- Константин Реут, - назвал, протягивая руку, мальчик.

- Милица Боголюбская, - отрекомендовалась девочка.

- Очень рад. К вашим услугам Станислав Пиньевский, Вы учитесь?

- Учимся.

- Во второй группе единой трудовой школы второй ступени, - уточнила Любка.

- Хорошо. Это так хорошо, - задумчиво сказал хозяин, подтаскивая ящик и усаживаясь против гостей, сидящих, как на насесте, не достающих ногами пола с высокой скамьи и чувствующих себя от этого не совсем твердо.

Учится... Это так нужно, так нужно... Вы знаете? – оживился он вдруг. – Да нет, где вам... Вы будете жить... Это будет такая, такая жизнь! Такой еще не видело кочкой головы, его тень, бесформенная, призрачная от слабого огонька свечи, заполнила всю стену, тоже оклеенную плакатами.

Свеча совсем покосилась, стеарин оплыл боком, фитиль закрутился петелькой, тощий огонек тянулся вверх из последних сил, испуская дымную струйку.

- Человек! - вздохнул Пиньевский. Тонкие сероватые пальцы его рук, бывшие в беспрестанном движении, туго сплелись и замерли на колене. – Гомо сапиенс, молодые люди, человек. Вы думаете, я не знаю, что говорят обо мне? – склонил он осеннюю кочку головы, скрывая лицо. – Все знаю: псих, юродивый... Колдун! Так?

- Вот и расскажите, если не так, - плотно сжал губы мальчишка, отчего нижняя еще сильнее выдалась вперед, в ожидании так и устремился к собеседнику.

- Хорошо, - как-то обреченно начал Пиньевский, похоже не для них, а для себя, как бы проверяя, прикладывая к себе то, что почему-то никак не хочет совпадать, укладываясь на плоскость его существования. - Я скажу кое-

что... Учился в медицинском. Кружки, демонстрации. Революция. Принял безоговорочно, как многие. Сомнения потом... И всё же, я на службе революции... Мое оружие - книга.

- Книги где берете? - не удержалась практичная Любка.

- Везде. Имею возможность - выписываю сам. Собираю. На чердаках, в квартирах бывших. В библиотеках, что отдают... Семьи нет, от родных отказался еще в семнадцатом. Девушка предпочла другого. Я вполне здоров, телом и духом. Пиньевский прежде всего свободный человек!

- От чего? От семьи, общества?

- Ого, вы читаете Энгельса, Маркса?

- От труда? — продолжал Костя, еле сдерживая подступающую ярость.

Пиньевский искоса желтым глазом следил за ним, нечто похожее на смущение коснулось его лица, скользнуло до кончиков пальцев, вновь привело их в действие. Он гордо выпрямился, откинул неопрятную гриву и с вызовом бросил:

- Я несу свет новому миру! Апостол!

- И стыдные открытки продаете, — перебила Любка.

Даже при слабом свете догорающей свечи было видно, как наливалось длинное лицо апостола кипящим гневом. Пробуравив полумрак, жёлтое острие глаза уничтожающе впилося в перепуганную девчонку.

- Вон! Паршивые щенки! - Он вскочил и, стиснув кулаки, глыбисто навис над тоже вскочившими ребятами. Костя, шагнув вперед, загородил собой Любку.

- Бейте! Только меня...

Пиньевский обмяк, подобие улыбки перекосило рот, разжались кулаки. Он захохотал, неестественно булькая, словно в горле у него перекатывались крупные глотки ледяной воды.

- О, красный рыцарь! Приветствую. Пиньевский терпелив и... вежлив. Я не трону вас. - Под злобным, несгибаемым взглядом мальчишки он косолапо отступил, шлепая босыми подошвами. - Даже не выкину вас в сугроб за воротами. Вы уйдете сами, чтоб больше не возвращаться, понятно?

- Почему? - Костя не привык отступать, тем более при победе. - У нас самые мирные намерения. Нам интересно. Свободный человек, Станислав Пиньевский, вы довольны своим, ну, существованием этим? - обвёл он вокруг глазами.

- Исцеляете, чудеса там, разные... - совсем осмелела Любка.

- Вам не кажется, что подобный допрос далек от скромности? Учитывая разницу в возрасте?

- Не кажется. Дело не в том, сколько человек прожил. Между прочим, мне уже тринадцать!

- О, это меняет дело. Я почему-то считал вас старше.

- Нечего подсмеиваться-то! - опять Любка, возмущенная иронией, не смогла сдержаться.

- Виноват, пани, не привык к обращению с вундеркиндами.

- Нас таких целая школа. Только вам с апостольской высоты не видно.

- А вы нам про чудеса свои все-таки... Шарлатанство, обман.
- Лечу. Я же почти врач.
- Ну и работали бы врачом. Врачей у вас не хватает.
- Шарлатанства нет. Обмана нет. Я вам могу дать одну книгу, она поможет многое понять. Чудеса без чудес. Нужна только вера.

- В бога?

- Нет. Я атеист. Медик не может верить в бога. Вера - вообще. Вера в чистую каплю воды... Поверь, что это тебя исцелит, только до самозабвения, фанатично, каждой клеточкой, и капля совершит чудо. Только поверь, заставь поверить. Вот книга, - порывлся он в изголовьи постели. - Автор - Николай Рубакин, ученый, литератор, большая умница. Держите, - протянул Любке.

- А это? - Любка выразительно глянула на голые темные ступни хозяина и мимолетно дотронулась до своей головы. - Тоже чудо без чудес?

- Ах, это? Хабитус! Видите ли, своего рода ин виво. Эксперимент. Вам понятно такое слово? Так вот - эксперимент. Тело человека, великолепнейшее творение природы, легко поддается дрессировке. Его можно приучить, например, к резкой смене температур. Постепенно. Я не был крепок здоровьем. Зато сейчас не знаю простудных заболеваний. Купаюсь в проруби. Доставляет необыкновенное удовольствие. Здесь делаю это тайно, чтоб не дразнить... Также питание. Никаких излишеств, как говорится, оме нимиум ноцет...

В комнате было более чем прохладно - ребят начало познабливать. Костя поежился, поглубже втянул шею в куцый кенгуровый воротничок пальтишка. Ему очень хотелось натянуть ушанку, но правила вежливости такой вольности не позволяли.

Хозяин, словно очнувшись, чем-то вроде ножниц обрезал обгоревший фитиль. Огонек весело вспыхнул. Вернувшись на ящик, он довольно развязно обратился к Любке:

- Вашу ручку, пани, и я, Пиньевский, предскажу вам судьбу!

- Мы в это не верим, - буркнул Костя и глубже втокнул ладони в узкие рукава.

- Не верите? Скажите, а! Они не верят! А вы, молодой человек, знакомы с такой наукой: хиромантия?

- Слышал. По линиям руки...

- Совершенно верно. Наука. Понимаете? Стыдно не верить в науку.

- Нас это не интересует. Нам про вас...

- Кто такой? — перебила Любка...

- А грязь? Грязь тела, жилища? Тоже оме нимиум ноцет? - Костя брезгливо обвел взглядом окружающее.

- Человек выше своего быта. Не может быть его рабом. - Пиньевский увлекся, он что-то говорил, горячо и убежденно, пересыпая речь латынью, Любка, мало что понимая, смотрела на него широко раскрытыми глазами, а Костя, казалось, совсем не слушал, вперившись все в тот же плакат с красными буквами, он сосредоточенно решил что-то важное только для одного себя. Трудная работа мысли стерла мягкое мальчишеское, лицо отвердело, голубоватый отсвет глаз сменился жестким стальным свечением.

- ...рекомендую вам еще познакомиться вот с этими книгами, - протягивал хозяин тоненькие брошюры. Любка потянулась за ними, но Пиньевский перехватил ее руку.

- Дайте только глянуть. Хочу проверить себя. - Женское любопытство победило - Любка развернула узкую ладошку с длинными пальцами:

- Глядите, не убудет.

- Так, так. К свету поближе!

Очнувшись, Костя переключил внимание на происходящее.

- Талант... Прежде всего талант.

- Она у нас рисует неплохо, - заметил Костя.

- Вот-вот. Талант с будущим. Линия жизни... Клубок, какая путаница! Нет, вы только посмотрите! И выбралась, выбралась ведь! Молодец. Проживете долго, в почете... Дети, внуки...

- Ну вас! - выдернула руку смущенная Любка.

- А мне? Ну и мне погадайте.

- Я не гадаю, молодой человек. Я только читаю по вашим линиям, согласно науке.

- Ну прочитайте что ли, - протянул руку Костя.

Пиньевский, прежде чем взять протянутую мальчиком руку, быстро и остро глянул ему в глаза, тот своих не отвел. Потом осторожно, как нечто невесомое, положил его кисть тыльной стороной на свою жесткую с желтоватой кожей ладонь. И сосредоточенно склонился, шевеля губами.

- Странно, очень странно, - бормотал он. - Ну что же, ваш талант, молодой человек, не знаю, в чем он выразится, куда значительно больше вашей подружки. Редкое явление, очень, я бы сказал... Читаем дальше. Линия жизни. Очень странно - тот же узел. Совпадение? Необъяснимая закономерность? - Тут он, словно наткнулся на нечто неожиданное, заставившее его прикусить язык, снова кинул острый взгляд в глаза мальчика, заметил его насмешливую полуулыбку в правом уголке губ, услышал нетерпеливое:

- Дальше. Что дальше?

- Дальше? Все в порядке, молодой человек, все в порядке! Как быть должно: известность, слава! - Быстрый говорок хироманта, казалось, отвлекал от чего-то, успокаивал. - Бугор Венеры... О, сколько женщин у ваших ног! Какое вместительное сердце!

Тут Любка зло столкнула Костину руку и, запахивая шубейку, буркнула:

- Хватит! Домой пора. Нечего тут делать!

Костя послушно взялся за шапку, и, простившись с хозяином, позабыв про книжки, ребята направились к выходу. В печке давно все прогорело, по серой золе лишь изредка перебегали острые искорки. Прихожая была полна густой темноты. Любка нашарила дверь и выскочила на улицу. Она бежала по тропинке, не оглядываясь, не замедляя бега, пока Костя не догнал ее и не схватил за рукав.

- Чего несешься, как угорелая кошка! - повернул девчонку к себе лицом и удивился: Любка плакала, некрасиво растягивала большой рот,

не сдерживая горьких рыданий.

- Он... Он не все тебе... Не сказал... Видел что-то... не сказал. Он же бодрился, про этих женщин... захлебываясь слезами, бормотала она. Костя тряхнул ее за плечи и засмеялся.

- Ты кто? Любка? Любка ревет? Не знал, что Любка... Кому поверила? Дурочка. Чушь собачья. Интересный вообще-то гомо сапиенс. Здоровый, в здоровом теле - здоровый дух! «Мы кузнецы, и дух наш молод»... Только мозги набекрень. И упрямый, как осел. Ишь ты - ин виво - наблюдение над человеческим организмом.

- А ты это откуда... Ну эти: «ин виво»? - успокоилась Любка.

- Так у меня же сестра Лида в медицинском учится. Я сам этой латынью интересуюсь.

Зеленоватая луна в белесом нимбе глазурью обливала мертвые сугробы на безлюдной улице. Траншеи тропинок пугали диковинным безмолвием. И ребята, почувствовав свою беспомощность и ничтожность среди оглушающего великолепия, затихли и припустили во весь дух: хотелось скорее в комнату, к людям.

//За коммунизм. – 1983. – № 81, № 82, № 83, № 84

Память прошлое хранит

Приехал сын. На пенсию вышел, о матери вспомнил. Нет, не балуют дети своими посещениями. Не каждый год навещают, да и то второпях, на денечек. Заберут гостинцы внучатам - соленья-варенья, курочку, уточку, а то и окорочек поросенка и - до свиданья! А тут вот приехал, и шанежки-пирожки с довольствием потребляет. Сын, первенец - крутится мать, убажает.

Пришел вечером из гостей - к дружку старому заходил. Выпивши пришел. Очень этим не увлекается, а все же иногда бывает. Пришел, сел за стол, руки - на клеенку.

- Садись, мать, поговорим.

Села, коль сын просит, платочек поправила, фартучек разгладила, слушает.

- Такое дело-то, мать, расходимся мы с Натальей!

Не поверила: болтает, мастер на розыгрыши. Усмехнулась. Сорок лет прожили, дети выросли, семьями обзавелись, внучата.

- Чего не поделили?

- Старая больно, — хихикнул сын.

- А я еще... В самом это... соку. Молодую и полюбил.

- Чудно. Только против жизни это, Нельзя.

- А сама? Году не было после похоронки на отца, а у нас уж дядя Данило жил? Забыла?

- Не забыла. Время другое. Вас четверо осталось. А у меня карточка на 400 граммов, служащая. Счетовод. В детдом оформлять, чтоб с голоду не перемерли? Данило пожалел. Вас пожалел. Руки-то у него, помнишь? Все мог.

Мать зажмурилась, вспоминая. После работы в госпиталь ходила, за ранеными ухаживала, все приработок! Когда с кухни чего достанется. Там Данило лежал. Скоро поправился, раненье-то такое... Руки, ноги, голова целы. Рассказывал, что семья погибла, побили всех, сожгли. Возвращаться некуда. Как выписался - к себе позвала. Дом большой, перед войной для семьи строили. Поглядел на меня так пристально, покраснел - не привык еще - спросил: «Все знаешь?» Кивнула только. Жалели все его там, такой мужик, а не мужик...

- Долго он у нас жил, дядя Данило. Я уж в ФЗУ уехал, как его хоронили. Не списались почему?

- Ага, долго жил.

А сама снова за ниточку из памяти тянет: пришел, глянул вокруг - пустота одна, все, что можно было, - прожили. За столом на приданое полюбовался, как вокруг чугуна с картошкой орудовали. Отвернулся, губы задрожали, слеза выступила. И жить стали. Целыми ночами с мигушкой сидит, валенки подшивает.

Днем часы ремонтирует, железо разное. Несли ему за работу кто что мог.

- А все же видел, как он перед тобой на коленях стоял, руки целовал.

И опять за ниточку из памяти: это когда просила его - пойдем, запишемся,

ребят на себя... «Не могу, - плакал, руки целовал. - Права такого не имею, не то тебе надо, ты молодая, счастье свое найдешь, а я гирей тебе на шее. Прости».

А как он умер-то? Здоровый был, вроде.

Лес рубили, под сосну попал...

- Помню, как ты ревела, бабы тебя отхаживали.

- Ревела, билась...

- А после того тоже года не прошло, как Леонид Сергеевич стал захаживать. По ночам к нему бегала. Это уж мне Катюха докладывала. Нас уже с вами не было.

- Бегала. Помогал управляющий. Теленка выписал. Коровку выкормили.

Ну, как ему правду сказать - мужику, сыну? Нет, не ради того сена да комбикормов. Другое тут. Не могла без него, молодая же, кровь ходили. Природа, она свое берет. Днем на работе, на ферме тогда - в пригородный колхоз ездила. До устали, что сил есть, выматывалась нарочно, чтоб ночью спать. А не спалось — подушка каленая. На улицу выбегу. Понимал Данило, жалел. Тогда и стал из дому подальше, на лесоповал вербовался, в командировку какую просился.

Увидела в первый раз Леонида Сергеевича на ферме - сердце зашло, как молния ожгла. И он глаз не оторвал. Один жил у нас, жена не поехала из квартиры в городе. Не сама к нему шла - ноги несли. Как наваждение. И он хотел быть со мной... У меня к тому времени еще двое на руках осталось - Катюшка в шестом да Серега в пятом. Не могла я и его семью рушить. Вот та ночь на века вписалась, вся слезами нашими омытая. Порешили - уедет он. Уехал. И не виделись больше.

- Я что, я от тебя наследовал! Ты в каких годах была, как деда Степана к себе приняла?

- Пожалуй, что и в твоих. Домишко валился, до всего глаз да руки нужны. Как без мужика? Вы не помощники были, нет!

Про себя досказала главное: тоска навалилась, на пенсию вышла, работать на могла - нога вот и до сих пор подводит. Одна - одинешенька. Говорить разучилась. Дыхания живого рядом нет, слягу - воды подать некому. Степан смолоду меня жалел. И жена была, и дети, а обо мне сох. Дети выросли, жена умерла. Вот и свело вместе. В наши-то годы какие вольности, ничего не было - два дыхания в пустом доме. Одну книгу читали, рядом у телевизора сидели. А пусть там, что люди говорят! Долго жили, лет пятнадцать, не меньше. Похоронила. Сейчас уж что - день прошел, и слава богу, В восемьдесят лет все полиняло. Тесто вот поставить надо, картофельных шанег постряпать. Василко всегда их любил. Разводится с Наташкой? А ну их совсем.

Еще бы хоть до одной весны дожить. Скворчики прилетят. Своречно-то надо починить, попросить бы Василя. Люблю, как утром скворчики поют, солнышку радуются.

- Мать, а мать! Задремала, что ли? Обиделась на меня, дурака? Я не в обиду, прости, старое вспомнилось. Да и с Наташкой. Куда я без нее? Так, языком трепанул.

Очнулась мать, вздохнула. И пошла ставить тесто.

М. Усцелмова.

«За коммунизм», 1989 г., 21 января.

Кое-что о милосердии

Милосердие - понятие широкое, многогранное. Если не на словах. Главное в милосердии - дело, пусть самый маленький, самый незаметный, но поступок, облегчающий в чем-то участь нуждающегося в помощи.

Двадцать лет работала почтальоном в 8-м отделении Камышловского РУСа Н. Ф. Захарова. И двадцать лет на ее участке не было случая, чтобы пропали газета, журнал. За двадцать лет Надя стала своей в каждом доме, в каждой семье. А так как на участке в основном частные домики, в которых, как водится, жили пожилые люди, одинокие, больные, была она для них не только почтальоном, но и ходячим милосердием. Ее ждали, чтобы попросить выполнить десятки просьб: вызвать врача, отправить письмо или бандерольку, телеграмму, передать что-то кому-то на участке. А сама Надя находила время и ведро воды принести, и дров к печке, и разгрести снег до крыльца, не считая это для себя большим затруднением.

В любую погоду, в метель, в дождь, по грязи, снежным заносам — все знали: Надя придет, принесет долгожданное письмо, спросит о здоровье, о родственниках, сообщит что-то. А какая в то время зарплата была, какие условия?

Однажды в гололед упала Надя, сломала руку в кисти. Потом месяцами управлялась с почтой одной рукой, смеялась: «Разрабатываю больную!» — и добавляла: «Как вы тут без меня-то?!».

Пять лет как она на пенсии. И пять лет из тех, кто остался на ее участке, все добром вспоминают хорошего человека. И пять лет после нее идет сплошная нервозность с почтой. Постоянно меняются почтальоны, они никого не знают, как не знают и их абоненты. Почта доставляется нерегулярно, не доходит полностью до подписчика, письма и извещения попадают не по адресам. Лично у меня только за этот год потерялось пять номеров разных журналов.

В наше время периодическая печать приобрела особое значение: так много нового и интересного в каждом номере. И бывает очень обидно за задержку, за недополучение.

А плюс еще новость: на перекрестке улиц ставится коллективный почтовый ящик. Замечательное это дело, облегчающее труд почтовых работников, но хорошо это только в больших, многоквартирных домах. Там ящики размещаются в подъезде, в тепле, под защитой стен дома.

А что получается в улочках с индивидуальными домиками? Прикрепленные на открытых, доступных всем ветрам и метелям углах, на соблазн развлекающимся молодчикам, чем они могут порадовать старого человека? Можешь, не можешь — приходится вставать, одеваться, закрывать свою хату и тащиться за квартал, а то и два до ящика. А прогулка окажется напрасной, еще идти? А с ключиками как — они маленькие, а пальцы-то не слушаются, руки-то изработанные.

Интересно, что думали руководители РУСа. внедряя заманчивое

нововведение? Хорошо, это облегчит труд почтальона. А если думали так: «Тоже мне проблема, какое-то старичье! Да им всем помирать пора, а не газеты читать! Стоит ли принимать во внимание!».

Не всегда все новое, самое полезное может быть применено без учета индивидуальных особенностей. В данном случае в микрорайонах частного сектора коллективный почтовый ящик ставить нельзя. Ведь это грозит и сокращением подписчиков на будущий год.

— Уж лучше ничего не выписывать, денег не тратить, чем так маяться! - говорят старики.

Многие уже и сейчас чтобы не терять, переадресовывают свою корреспонденцию то на «до востребования», то на кого-то в городе, где почта доставляется нормально.

Пишу я сегодня по просьбе многих жителей нашего несчастного микрорайона. Могла бы ниже поставить десятки фамилий, но ограничиваюсь только своей.

М. Усцелемова.

«За коммунизм», 1988 г., 20 декабря.

Что сделал ты

Во время войны с любого угла прямо тебе в глаза смотрел с плаката боец и указывал — тоже прямо — на тебя пальцем: «Что ты сделал для фронта?». Под его суровым взглядом становилось явно не по себе. Каждый старался вспомнить, а что же, действительно, он сделал для фронта? Делали по своим силам и свыше сил все. Работали на полях и у станка сутками, не считаясь ни с голодом, ни с холодом, собирали деньги на самолеты и танки, отдавали последние теплые вещи, слали посылки. Старушки до мозолей на пальцах вязали носки и варежки.

Каждый вносил свою лепту, ибо война была главнейшим из... главного!

И все-таки безмолвный упрек строгого воина вызывал нервные мурашки по спине. Такова была сила обстановки

* * *

При встречах с друзьями и подругами мы любим обсуждать волнующие нас проблемы. Нам не нравится мусор на улицах, заросли бурьяна, плохие дороги и прочие недостатки, постоянно бросающиеся в глаза. И мы лаконично замечаем:

— Хозяина у нас нет!

Нам не нравится один, второй «хозяин» — председатель горисполкома, секретарь горкома. Мы ждем, вот прилетит волшебник, по мановению его палочки исчезнет все негативное и начнется рай!

Не раз и не два призываем мы на помощь сравнения: вот там.. А у нас. Чаше называется эталоном сказочная Прибалтика – вот уж там...

Не пора ли все эти разговоры сделать гласными?

Нам не нравится «хозяин». А что сможет хозяин в числе единственном? Даже умноженный десятикратно? Приказать? Распорядиться? А разве сегодня это хозяйское дело, когда хозяином должен быть каждый из нас?

Разница между Прибалтикой и Уралом не так уж и велика. И тут, и там живут люди Советского Союза. Главное — там ВСЕ любят свой город, гордятся им, ВСЕ берегут его авторитет. Чего нет у нас. Верно, прибалтийские города отличаются особенной чистотой, красотой планировки и зеленым украшением. Как хороши там ухоженные зеленые газоны, а на них кое-где кусты роз...

Решил кто-то в спешке срезать угол, прошел через газон, за ним поспешил другой. И вот на свежей тропинке однажды утром появился столбик, а на нем дощечка с надписью, на русском языке она означает: «свиная тропа» или «тропинка свиньи». А кому хочется быть свиньей?

Мудрено ли оформить газон? Мы любуемся свежей зеленью возле здания горкома партии. Но почему только здесь? Пусть и без голубых елей, без прибалтийских роз. Один, два кустика местных многолетних растений с красивой зеленью, с яркими цветами рудбекии, солидаго разве меньше оживят городской пейзаж? А нужны всего лишь руки, и не одного, «хозяина», а многих

хозяев города, и еще любовь к нему, большая любовь... То, что ты сделал сам, ты и беречь это будешь, как свое, не бросишь на дело своих рук ни окурка, ни бумажки.

Что стало с прежде такими милыми нашему сердцу уголками города? Один пример из сотен других. Берег Пышмы за зданием бывшего железнодорожного клуба любили горожане. Были там и кусты, и деревья, скамейки между ними, а с них открывался вид на чистые широкие воды реки. Тихими летними вечерами отдыхали здесь семьями, пели, играли на гитаре...

Что же там сегодня?

Огромная свалка за юношеской спортивной школой увеличивается с каждым днем. Откуда мусор? Конечно, не из Прибалтики,

А что стало с милым сквериком Павлика Морозова, где чистая главная аллея, выходящая к реке, была тенистой, зеленой аркой?

Было время, да и сейчас, пусть и в редких случаях, находятся энтузиасты — организаторы во главе уличных комитетов, где по-настоящему ведется борьба за чистоту городских улиц. Но мы не добьемся полного успеха, пока каждый из нас не станет хозяином своего города.

Давно сказаны замечательные слова одним из классиков нашей литературы: «Если каждый человек на клочке земли своей сделает все возможное, как прекрасна станет земля наша!».

Как нельзя лучше пригодился бы сегодня плакат военного времени: «Что ты сделал для... — нет, не для фронта, — для своего города!». Чтоб прямо в твои глаза укоризненно глядел кто-то так, чтоб нервная дрожь пробежала по коже.

А, действительно, что? За последнее время в нашем городе произошли большие перемены. Построено и строится много красивых зданий, очень нужных. А что их окружает? Любая вещь, любой предмет хорошо смотрится только в соответствующем оформлении.

Есть же достойные примеры. Почему так бережно и любовно относятся к своему жилью хозяева кооперативного дома швейников? Там настоящая чистота, там цветы и газоны, там зеленые декоративные стенки у подъездов. Почему для всех живущих в этом доме присутствие на субботниках важнее всех домашних дел?

Мы продолжаем толковать между собой:

— Перестройка, перестройка, а где она у нас, перестройка? — И забываем, что перестройка начинается с перестройки каждого из нас. Что это упрек прежде всего каждому из нас, в первую очередь. Всем вместе, живущим в своем городе.

Так что же ты сделал для блага своего города? Ты — хозяин?

Волшебник не прилетит. Времена сказок ушли в далекое прошлое.

Ждать больше нечего.

М. Усцелмова.

Нарцисс

ВЕСНОЙ одними из первых расцветают нарциссы. Прекрасные цветы, гордые, но... отчужденно холодные.

А называли их в далекие времена, как гласит легенда, именем юноши, влюбленного в себя, для которого собственное отражение в воде затмевало весь мир. Жестоко наказан он был за это богами.

Но до сих пор появляются среди нас «нарциссы» и жестоко расплачиваются за нарушение законов общественного бытия. Об этом и пойдет речь.

Он очень любил жизнь. Брать от нее не только что можно, но и что нельзя. Брать, но не отдавать. Он любил себя. Любил. Теперь это уже, можно сказать, в прошедшем времени, так как ему осталось дышать считанные часы.

За свою долгую болезнь он преодолел несколько состояний. Сперва была уверенность - надежда. Не может быть, чтоб с ним, таким жизнелюбом, все еще обаятельным, красивым, как он полагал, могло произойти что-то непоправимое. Ну, заболел, с кем не бывает, поболит и перестанет. «Не столько смертей, сколько хворостей», — говорит народная поговорка.

Не проходило. Темными точечками стали вкрапываться сомнения.

В этот период и пошел разговор с самим собой. Обида на несправедливость одолевала, давила, гнула шею. Почему я? За что? Упрекнуть себя в чем-то он не мог: никого не убил, не ограбил, даже не обругал худым словом. Был молод, удачлив. Всегда высоко поднята голова с буйной гривой волос, всегда всеобщее внимание.

Война. Тяжелое ранение, ампутация конечности. И радость, неумная радость: жив! Даже может работать. При его специальности этот недостаток не помеха. Инвалид войны — это тоже звучит, как-то выделяет, возвышает над другими. Вызывает сочувствие. Жизнь полна удовольствий! Женился, дети пошли. Вот тут, кажется, и таилась его ошибка.

Уставшая на работе, жена до изнеможения возилась дома: дети, муж - инвалид, все заботы на ней. Рано поблекла. Любовь? Какая уж тут любовь?!

От нитья, от вздохов стал исчезать по вечерам, щеголяя, как и прежде, — чистый, наглаженный, надушенный. Зеркало продолжало одобрительно подмигивать: молодец, так держать! Как много вокруг женщин, только выбирай. И выбирал, молодых, красивых. Жена? Она скоро смирилась. Да бог с ней, этой старой бабой. Какая она ему пара? Он просто перестал ее замечать.

Так и умерла она раньше времени. Не заметил, как ушла из его жизни. Росли дети как-то самостоятельно, без хлопот, устраненно. Удивился однажды: выросли, надо же! Своими семьями стали обзаводиться. А он все у зеркала — еще ничего, есть на что посмотреть. Жил со старшим сыном, невестка обслуживала. Молча. Молчание — как невысказанный упрек.

Надоело. Надо бы близкого человека рядом.

Случайное знакомство на курорте решило дальнейшую судьбу. Поехал за ней. Забрал, что поценнее, у сына. Даже шапку снял у него с головы на вокзале, когда его провожали.

Работал на новом месте хорошо, ценили его, уважали. Дали комнату, подруга навещала, помогала в быту. А там квартиру получил на берегу моря. Живи да радуйся, умирать не надо. Да вот в это самое время и настигла болезнь. В невеселую минуту вспомнил, что где-то живут дети, потянуло домой. А подруга:

— Глупости! Никуда не поедешь. Зарегистрируемся, пропишусь здесь, буду постоянно с тобой.

С болезнью портился характер, надоело законной жене капризы исполнять — не могу, сама больна, давление замучило, уйду, хватит!

Тут и написал сыну. Сын есть сын, ответил согласием. Посадила его жена в поезд, дала телеграмму: встречайте! Встретили. Только у сына с женой неприятности. Не могла она забыть, как жили со свекром, сколько ей «радостей» подарил. Едва неделя прошла — собрала вещички мужа и его отца, выставила из квартиры и позвонила другому сыну, чтоб забирал.

У второго сына дети, квартира невелика, отдельной комнаты для тяжелобольного уже нет. А что делать? Отца на улице не оставишь. Хоть и не виделись они с ним десятки лет, даже открыткой поздравительной ни разу не побаловал его родитель.

На счастье, старшему сыну комнату в общежитии дали, учитывая его трудное семейное положение и долголетнюю добросовестную работу.

Так поселились отец с сыном. Чужие, в маленькой чужой комнатке. Отец уже у последней черты. Пока сын на работе, вдвоем со своей последней спутницей - невыносимой болью, которая вытеснила все человеческие чувства, оставив только панический страх перед возвращением приступа. Без постоянного ухода, под чужой крышей.

Тут, пока не погасло сознание, наверное, снова перелистал странички прожитого и не столько огорчился, сколько удивился неожиданному итогу: умереть на чужой постели, без близкого человека рядом! Кто же виноват в этом?

Боги наказали Нарцисса. А кто наказал этого человека?

М. Усцелемова.

«За коммунизм», 1988 г., 24 сентября.

Сколько стоят цветы...

День знаний. Начало нового учебного года. Конечно, это, большой, праздник для каждого ученика, особенно для тех, кто идет в первый класс.

В праздники у нас стало традицией дарить цветы.

И вот стайками и по одиночке, маленькие — за руку с отцом, бабушкой, с огромными букетами, из-за которых их и не видно, спешат дети в школу. Тяжелые, яркие букеты еле удерживают их детские руки. И словно не в школу, а на соревнование, спешат: у кого лучше, у кого дороже?

- Мама по три рубля покупала, — объясняет мальчишка своему товарищу. (Вот они — огромные, выше его роста, ярко-красные гладиолусы «Оскар», они и в самом деле очень тяжелы для малыша). — На пятнадцать рублей! — хвастливо заканчивает хозяин «Оскар».

И у меня на пятнадцать, — не хочет уступать первенства его дружок, хотя цветы явно уступают по красоте и стоимости.

Ну да, — фыркает приятель. — За твои-то астры? Тут и за все-то три рубля лишка.

Неприятный разговор, согласитесь. Малыши уже судят о красоте со стороны экономической, да еще с оттенком престижности. Они свидетели, а не посторонние в этом всеобщем цветочном буме. Мамы и бабушки с ног сбились, чтобы обеспечить своих детей престижной красотой. Были выбраны самые лучшие экземпляры в личных цветниках, а у кого нет таких — активно разыскивались у знакомых, покупались на рынке. Разве тут можно жалеть какие-то рубли! Букет дочери или сына в этот день своей первой учительнице должен быть самым лучшим! И уже не цветы, не подарок с уважением и любовью несут они, как вы только что видели, а рубли, затраченные на него. У кого дороже!

Взрослые и дети. Мы говорим, что личный пример родителей — это главное в воспитании ребенка. Какой же воспитательный эффект можно извлечь в данной ситуации?

Малоутешительный. Теряется самое главное - эстетическое восприятие красоты, побеждает равнодушие, тяготеющее к вещизму. Цветок - вещь, его можно продать и купить.

Теперь взглянем с другой стороны. В классе 30—40 учеников, каждый несет свой букет. Что же дальше? Что-то посвежее, получше учителем отбирается, чтобы поставить на стол. Без всякого разбора запикивается в консервные банки, а то и просто в ведро с водой. Тесно, отчего теряется вид, цветы сразу стареют. Вазы обычно не предусмотрены. Что-то уносится учителем домой. А остальное? Горы прочей зелени идут попросту на свалку.

В этом тоже элемент воспитания, точнее, антивоспитания.

Было время, когда (особенно в сельских школах, помню такое в Голышкинской при А. В. Черных) дети вместе с учителем готовили класс к этому празднику. Вместе шли в лес, собирали неувядающие растения: ветки хвои, плавун, брусничник, делали из этого гирлянды. На окна, на стол

ставились букеты из разноцветных листьев с гроздьями рябины, калины. Было очень красиво и пахло лесом, живой природой.

А если бы сегодня ученик принес в школу только один, ну два цветка самим выращенных, в сочетании с декоративной веточкой, листочком? Из них можно было бы сделать несколько композиций, поставить в вазы (их на время дети могут всегда принести из дома), ребята стали бы ухаживать за ними, чтобы продлить их жизнь. Сколько бы здесь было положительных детских эмоций. Вот они, все тут, и мой, и твой цветок, какие они прекрасные! Тут рядом с эстетическим — экологический элемент: бережное отношение к зеленому другу. И полное отсутствие негативных явлений в плане вещизма.

А что же получается после первого сентября? Дети очень внимательно рассматривают то, что осталось. Посмелее спрашивают:

- А где мои цветы?

Почему их тут нет?

Или находят где-то возле школы выброшенные, узнают там что-то свое, дорогое, приходят со слезами:

—Я свои... на балконе выращивала... Они были такие красивые. А вы,, зачем их выбросили?!

Вот вам и первая, пусть и не очень значительная, психологическая ранка на душе ребенка. Обида, несправедливость.

О таких мелочах вряд ли кто задумывается, когда все эти громоздкие приношения небрежно, торопливо сваливают на стол учителя. А мелочей в деле воспитания быть не может.

Наверное, пора навести и в этом, цветочном, хаосе порядок.

М. Усцелемова.

«За коммунизм», 1988 г., 13 сентября.

И на камнях растут деревья

Много лет тому назад пришлось мне ехать на автобусе через большое сибирское село. Уже не помню, как оно называлось, зато свежо стоит перед глазами растянувшийся на несколько гектаров на его окраине прекрасный парк. Первым от села деревьям не менее ста лет, потом, чем дальше, тем моложе. Одинаково ухоженные, красивые. Никакой экзотики: сосны, лиственницы, березы. А на окраинах, где посветлее, — кусты рябины, калины.

Вошли в автобус на сельской остановке двое — старик и молодой парень. Разговорилась с ними, похвалила зеленый массив.

— Школьный парк! — с гордостью сказал старый.

— Школа тут стояла, маленькая, земская. Учитель один был, еще до революции. Очень дерево любил. Вот и посадил с ребятами первую полосу. А ходили-то как! Как за малыми детьми. Выходили.

Школа росла, и деревья росли. Всякий год выпускники, сначала начальной школы, потом семилетки, затем и десятиклассники оставляли о себе память. Вырос парк и дальше растет. Школы тут уже давно нет, она в центре, новая. А школьный парк — вот он.

- Любит народ тут бывать, — продолжил мой собеседник.

- Живность появилась: и белка, и косуля, и лоси встречаются. Вроде заповедника. Оберегаем, можно сказать, ревностно. Есть там и постройки, а как же? Открытая сцена, павильоны, чтобы от дождя укрыться, буфет. Ну, это по краешку. Вглубь нельзя. Покой нарушим. Я сам ту школу у Петра Савельевича кончал в великом 18-м году. Есть и моя доля - кедр растет. Нынешние ребята, — кивнул он в сторону парня, — по надобности ремонтируют, подсаживают, заменяют что. Одно слово: традиция.,.

Как же надо было любить, уважать эту традицию, чтобы выросло и сохранилось такое чудо!

...В школу № 5 меня привело письмо в редакцию. Очень эмоционально описывался в нем один грустный факт: «По злой воле директора вырубил у нас целую аллею молодых кленов, по традиции посаженных выпускниками 10-го класса в 1982 году. Клены растут быстро, значит, это были уже настоящие деревья. И вот уже стройные клены весело шелестели бы листьями, приветствуя малышей, бегущих в школу. Но не помогли просьбы бывших учеников не губить деревьев».

Нашему возмущению не было предела. Как? Загубить именную пятилетнюю аллею, чтобы распахать на этом месте пришкольный участок? Какой моральный урон нанесен молодым людям! Они же со слезами просили не трогать деревья!

Мне уже виделись эти пни, напоминающие надгробия на месте безвременной гибели молодых и красивых деревьев.

Наша беседа с директором школы № 5 П. Г. Красноперовой началась так:

Покажите, пожалуйста, мне тридцать пней, что остались после вырубки

кленов.

Почему после вырубки? Мы же их перенесли, пересадили еще в 1986 году, Правда, три деревца не удалось выкопать: цемент от дорожки оказался близко. Вот эти пришлось срезать.

Возле зацементированной дорожки, проходящей сейчас посередине будущего пришкольного участка, с одной стороны, где раньше была изгородь, топорщатся кустики молодых веток. В трех, действительно, нашлись пенечки, диаметром не более пяти сантиметров. Автором письма явно владела буйная фантазия.

- Кленов было не 30, а всего около двадцати. Некоторые вдвоем один садили. Да и не все прижились. Земля очень плохая после строительных работ (пристрой делали к школе)- песок да щебень.

Посмотрели мы и те, что были перенесены на другое место. Вместо раскидистых кленов торчали тощенькие подростки, жалкие, с редкой зеленью, взывающие к помощи о глотке воды.

- Не по своей воле убрали. Горисполком дал новый план школьной территории, по нему для пришкольного участка присоединили часть перекрытой улицы. Эти кустики садили, тоже выпускники, два-три года назад, да вот никак не растут. Еле в траве заметны, Земля... — сетует директор.

Все зеленое хозяйство при школе производит безрадостное впечатление. Земля...

А у меня в мыслях крутится строчка: «И на камнях растут деревья». Растут ведь, да еще как. При условии наличия не только рук, но и большой любви к своим подопечным, чего здесь давно уже нет. По традиции каждый год выпускники втыкают в землю прутьики, по традиции передают их первоклассникам, чтобы сразу же и забыть об этом.

Никто их, бедняжек, не лелеет, не холит, не навещают, их хозяйева, со слезами не просят их не губить. Никому, до них нет дела.

Если бы выпускники ежегодно не только высаживали, но и кто-то выхаживал, пусть пять деревьев, какой бы сегодня парк шумел возле школы, возвращенный за историю ее существования.

Было время, когда и здесь жила настоящая любовь к зеленому другу, когда в теплицах выращивалась, отличная рассада, известная всему городу. Когда все, что росло вокруг, не имело такого сиротского вида, не было лишено заботы и внимания, как сегодня.

Идет время, меняются люди. Но почему же вместо движения вперед скудеют, беднеют старые традиции?

Школа № 5 — не исключение. Не потому ли огрубели наши дети, перестали замечать красоту природы, что наши прекрасные традиции, на которых воспитывалось не одно поколение, постепенно скудеют, становясь чисто формальными категориями, пустыми словами?

Вот на такие размышления натолкнуло это не совсем объективное письмо.

М. Усцелемова.

«За коммунизм», 1988 г., 12 июля.

Желтая ветка

Еще вчера дерево было зеленым, густо-зеленым, летним. Порой удивляло, как оно столько держится в сегодняшнее сухое лето? До самого сентября ни единого пожухлого листика! Ведь земля просохла настолько, что на глубину лопаты, а то и двух — одна зола, без какого-то намека на влажность. А оно зеленеет. Притерпелось?

И вот сегодня... Сквозь сетку мелкого затяжного дождя проглянула... Да быть того не может! Настоящая желтизна. Да не какой-то там один листик, а целая ветка украсила тяжелую листву старого дерева.

Выдержало засуху, а вот при первом похолодании, под таким, казалось бы, желанным дождем — не выдержало. Что же это такое?

А не так ли и человек?

Был он одинок. Не по своей воле. Уж очень долго били его ветры, палила засуха, иссушала несправедливость. А он терпел. Казалось бы, в самых невозможных условиях находил беспечальные слова, улыбался, жил надеждой — пока жив — надейся! Это был его девиз.

Под его тенью обретал устойчивость более слабый, его пример заражал стойкостью. Так было долгие засушливые годы, когда только мечталось хотя бы об одной капельке живительной влаги.

Шли годы, в которые он перестал отличать весны от лета, осень от зимы. Он — притерпелся! Поседела голова, цинга унесла зубы, а он улыбался, он давал тень жаждущим.

Но вот появились над ним первые дождевые облака, повеяло прохладой. Вот и первая желанная капля.

Казалось, надежда мечты обретала осязаемую форму.

Его окружили внимание, забота, любовь. А он... заплакал. Он сразу ослаб и понял, что уже стар и уже никакая надежда больше не нужна.

Вот о чем мне напомнила желтая ветка в самом начале осени.

Очень быстро пожелтело и все дерево. Ветры сорвали желто-коричневые листья, их втоптали в грязь безразличные шаги человека. Пошел снег и... наступил покой.

Но для дерева за зимой следует весна. Набухнут почки и на этом старом дереве, засветятся зеленые огоньки свежих листьев...

Но не может повториться весна человеческая. Единственная жизнь человека. И да избавит нас бог от притерпелости.

М. Усцелемова.

«За коммунизм», 1988 г., 12 ноября.

И две головешки огнем горят

Вечеринка затянулась. Но у всех еще доставало сил после короткой передышки снова «балдеть» пол звуки западных дисков. Обстановка способствовала. Родители Ганьки уехали на целую неделю, оставив квартиру в его владение.

Кому-то пришла мысль, «отбавав» очередной круг, пнуть ногой в глухую стенку. И чтоб как можно выше! В этом вся соль.

Новой забавой увлеклись. От очередною стука вздрагивали, позванивая, подвески на люстре, кренилась на бок большая картина. И это тоже было весело. Тут кто-то спросил:

—А там, — кивок на стену, —живет кто?

Ганька успокаивающе махнул рукой:

—Не, никого. Там наша бабка живет. Да ее давно нет — поженилась!

Ребята заинтересованно приготовились слушать.

Как поженилась? Она что, молодая, ваша бабка?

Может, она не бабка, а бабочка!

Крылышками шмяк, шмяк!— принялся исполнять Игорек кружение бабочки с помахиванием крыльев. И снова — повод для веселья. Больше всех хохотал Ганька: Ничего себе... бабочка. Да она ноги-то таскает вот так! — прошаркал, сгорбившись, внучек.

И замуж вышла? Ну ты даешь, Ганька!

Да ну вас, почему я знаю. Родители как-то говорили, что, мол, семью опозорила. В семьдесят лет это, как его...

А что, это сейчас модно. Вон у Лильки дед тоже женился. У него квартира отдельная. Живет у новой жены, а свою на ключ. Сашка. Лилькин брат, когда женился, просил у него ключ. Не дал, жмот.

Проблема разбиралась в подробностях дальше. Реплики все подбрасывались, и хохот стоял такой, что снова заговорили подвески.

Но ошибся Ганька, бабушка была дома. Там, в новой квартире, произошло первое недоразумение, недопонимание, скорее. Удрученная Анна Георгиевна тихонько вернулась домой. Стена, отделяющая ее от жилища дочери, не была капитальной. Сперва ей пришлось терпеть несусветный музыкальный содом с баханьем в стенку молодыми сильными ногами, а потом и выслушать столь нелестные отзывы в свой адрес. Все услышанное, да еще упавшее на ее смятенное состояние по поводу происшедшего ТАМ, ударило ее с такой силой, что жить не хотелось. Униженная, уничтоженная, осмеянная в своих лучших, казалось бы, чувствах, Анна Георгиевич свернулась в комочек на кресле, замерла, окаменела, лихорадочно перебирая в мыслях все происшедшее.

Опозорила семью? Чем? Тем, что еще жива, способна рассуждать, чувствовать, хотеть, пусть и маленького костерка с исходящим от него теплом, которого она уже так давно лишена в своей семье. Сначала полное отречение от своего личного с гибелью мужа и полная отдача себя детям. Потом роль домашней хозяйки и няньки в доме дочери. Потребительское отношение к ней,

живому мыслящему человеку со стороны членов семьи. Высокомерная шутливость зятя, покрикивание и недовольство внуков, плохо скрываемое чувство превосходства дочери: «Кому нужна твоя самодеятельность, теперь другое время, дырявые носки не штопают!». Стала постепенно отходить, прятаться в раковину своих жилых метров. Полное одиночество.

Однажды зашел разговор в длинной очереди. Так они познакомились с Силантием Матвеевичем. И еще встреча, случайная, как она считала, в осеннем скверике, когда желтые кленовые листья с коричневыми прожилками, как доверчивые ладошки, тянутся для рукопожатия... Инвалид Великой Отечественной с чистой сединой на висках, с милым прищуром лукавых глаз, он много пережил, много знал, умел рассказать о виденном так, что, слушая, видишь и переживаешь. Их встречи становились все более продолжительными, пока не ударил мороз, не подули в скверах сквозные ветры. От непогоды они заходили в кафе, на почту, уезжали на вокзал.

Однажды его не оказалось в условленном месте. Это встревожило, значит, что-то случилось, не смог. Вечером поехала к нему по заветному адресу, которым еще не приходилось пользоваться. Беспомощность больного, высокая температура. И радость, такая сияющая, безграничная в оживших глазах. Оставить его одного было нельзя. Но что скажут дома по поводу ее отлучки? А оказалось, что никто даже и не узнал, что бабушки не было дома. Никто не поинтересовался, где она, что с ней. Это обидело, а с другой стороны, как бы снимало с нее всякую ответственность. Теперь был у нее уголок, где она была нужна, где помнили о ней с теплым чувством, ждали ее. Затеплилось ответное чувство благодарности к такому же одинокому, нуждающемуся в таком же тепле. Двое рядом, они уже не были одиноки...

Как же жестока юность, еще не познавшая ничего, кроме присущего ей максимализма! Разве они могут понять, не испытав, что есть у человека еще одно, особое чувство, сила которого не менее велика, чем любовь земная со всеми ее проявлениями. Это чувство духовной близости, светлое и глубокое, сотканное из взаимной бесконечной нежности. Когда взгляд говорит больше, чем слова, когда легкое касание руки вызывает подступающую к горлу слезу волнения, когда просто присутствие рядом доставляет полную радость общения. Это чувство исключает представление о возрасте, о внешнем облике, оно слагается из интеллекта, душевного богатства, из тех огромных запасов, что накопились за долгие годы.

В наше время, когда жизнь человека значительно удлинилась и когда долго еще, перешагнув за черту пенсионного возраста, сохраняется способность трудиться, человек начинает ощущать свое одиночество. Закончен труд по профессии, выросли дети и даже внуки, в их семьях ты становишься не только бесполезным, но и мешающим. В это время постепенно упрочиваются, казалось бы, случайные встречи, две одинокие единицы стремятся к объединению. Такая связь порой даже заканчивается браком. Чаще же это объединение носит как бы временный характер. Есть у него отдельная квартира, есть собственный домик у нее, или наоборот.

Не легко решиться на постоянное соединение. А вдруг? Не получилось?

Должны же быть обеспечены тылы! И стоят у нас до поры до времени пустые квартиры и дома, возмущая желающих иметь свою жилплощадь. Но они неприкосновенны, эти пустые метры. Они законно принадлежат владельцу. И не надо тревожить, отравлять последние годы жизни поползновением близких или нуждающихся в метраже. Это право неприкосновенности человек заслужил всей своей прошлой жизнью, долгим трудом на благо общества, тем, что вырастил и воспитал детей. И если выпало ему редкое счастье избавиться в конце пути от гнетущего одиночества остается понять его и пожелать долгих спокойных лет.

И две головешки рядом огнем горят — говорит давняя русская пословица.
М. Усцелемова.

«За коммунизм», 1987 г., 13 января.

Недреманное око

В переводе на наш современный язык — это глаз, который не дремлет, не спит, все видит, за всем следит. В старых сказках этот образ был положительным, стоял на стороне добра, заранее предупреждая об опасности...

Нам сегодня, пожалуй, как раз и не хватает такого неустанного, всевидящего глаза.

Был поздний вечер. Женщина возвращалась домой, когда услышала какой-то подозрительный треск. Пошла на звук. В начинающихся сумерках увидела фигурки, занятые разрушением забора. Подошла ближе. Это оказалось несколько полупьяных юнцов, а с ними еще и девчонка. Они «развлекались».

- Что же вы делаете? Зачем забор ломаете?: Живет тут старая женщина...

- А тебе какое дело? — кто-то выступил вперед.

- А ну, ступай отсюда, пока цела!

- Нет уж, уйду я только после вас! - женщина пристально вглядывалась.

Парни чужие, только один из этого микрорайона. Узнал ее? Не могла утерпеть, чтобы не пристыдить девушку. А та только огрызается: пьяная, ничего не понимает. Подошла еще ближе, стала негромко, спокойно доказывать:

—Жалко мне вас, ребята. К чему ведут такие делишки? А если милиция? Срок за хулиганство. К тому же, в пьяном виде. Этого вам хочется, да?

Кто-то еще храбрился, матюкался, отдирая очередную доску. Но остальные один за одним стали исчезать в наступающей темноте. «Узнал», — подумала Анна Петровна про «своего» парня.

Да, эти подростки «со своих» улиц хорошо знали тетю Аню — секретаря уличного комитета № 2, знали и уважали за ее возню с ними.

Еще в конце прошлого года по инициативе Анны Петровны, ее старанием была устроена на улице Агрономической, - на ней одной ребятни не, меньше семидесяти! - детская спортивная площадка. На ней с весны до первого снега весело и разумно проводили время и малыши, и дети постарше. А то и совсем взрослые находили удовольствие на качелях, на турниках.

В конце ноября 1987 года были перевыборы членов уличного комитета. Вместо безынициативных, равнодушных подобрались люди серьезные, ответственные, любящие свой район, людей, и нем живущих.

Председателем стал ветеран войны и труда Н. А. Верзилов, заместителем, его Кузнецов, секретарем - А. П. Бабинова. С активом стало их десять энтузиастов.

Наметили план, распределили обязанности и решили довести это до сведения всех жителей региона. В. Н. Иванова выпустила стенгазету, орган уличного комитета № 2. Вывесили ее в магазине. Там кратко рассказывалось о каждом члене комитета, давался его адрес, назывались вопросы, за что он отвечает. Теперь люди могли знать, с чем к кому надо обращаться. Тут же были имена депутатов, участкового, милиционера, их телефоны и адреса.

И начал свою деятельность новый состав, у личного комитета. А дел оказалось немало...

Было и так. Жили на улице Закамышловской старики — муж и жена. Жена заболела, долго лежала, не вставая, а муж начал слепнуть. Пришлось уличному комитету прийти на помощь. После смерти старушки сам председатель повез В. Юдина в Ирбит на операцию глаза, навещал его там и после операции. А жена председателя сделала большую уборку в запущенном доме. Когда вернулся старик, стал просить, чтобы ему помогли оформить в дом престарелых. Много было хлопот, но добился уличный комитет нужной путевки. Только вот в последнюю минуту Юдин отказался ехать: жаль стало бросать свой дом. Конечно обидно было за напрасные хлопоты, а что поделаешь?

Прошли по улицам, взяли на учет всех одиноких, беспомощных, оказалось, их обнаружилось безвыходное положение с топливом. Составили список, пошли в гортоп, но там им отказали в дровах. Только люди-то в уличном комитете оказались настойчивыми. Пошли в горисполком, доказали. И на списке уже резолюция: «Обеспечить дровами в ближайшее время». Сколько радости было у стариков, сколько сказано слов благодарности!

А новые дела не давали передышки. Трижды за лето были проведены рейды проверки чистоты и порядка. Дотошно обследовали каждый дом, каждый двор. Все беспорядки обнаружили, обговорили. С каждым рейдом их становилось меньше. Об этом, опять же подробно рассказывалось в стенгазете, броско, красочно оформленной. Молодец Валентина Николаевна! Помещались заметки о рейдах и в газете «За коммунизм».

Повседневные дела не давали покоя... Вот не поладили из-за колодца брат с сестрой, живущие рядом, вот кто-то поссорился с кем-то, оскорбил кого-то. Везде нужно вмешаться, рассудить.

У одиноких стариков тоже оказалось много самых необходимых, неотложных дел: кому-то надо розыскать родственников, написать письма, вызвать нотариуса, врача, помирить мать с сыном, купить лекарство. Знают люди, к кому надо обратиться, знают и то, что отказа не будет.

Постоянно глаз да глаз за всем нужен. Однажды летней ночью на улице Швельниса разбушевались нарушители порядка. Гоняли на мопедах, кричали, стучали в окна, во всю

Утром Анна Петровна и Валентина Николаевна пошли домой к зачинщику. Беседа затянулась. Долго не сдавался парень. А кончилось тем, что пришел он к Ивановой домой: что надо делать?

— Извиниться и больше не повторять такого! — ответили ему.

Извинились нарушители и затихли. Под неустанное наблюдение пришлось взять тех, кто вышел из заключения.

Все видит недреманное око. Знают члены уличного комитета, кто бражку пьет, кто самогоном балуется. Сначала предупредили по-доброму. А если... Сами на себя пеняйте.

Часто собирается комитет, горячо обсуждаются планы, действия. Отмечаются недостатки и достижения. Систематически выходят номера газеты.

К дню Советской Армии слово было предоставлено бывшим солдатам. Они оказались тоже в активе. К Дню Победы учли всех фронтовиков и женщин — участниц войны. Собрали их фотографии, сказали в их адрес теплые слова.

А сколько дел на новых улицах? Дорога, озеленение. На улице Швельниса своими силами благоустроили дорогу, инициативу проявил А. Г. Иванов. Немало сил и настойчивости приложили члены уличного комитета в борьбе со свалкой мусора.

Всегда хорошо откликаются на просьбы активисты из организаций: , М. С. Хакимов — главный инженер «Агропромэнерго», руководители «Агропромхимии» В. Н. Макаридин и ремтех - предприятия М. В. Варлаков. Помогают и материалами, и техникой.

Жители улицы Вайнера настойчиво просят: оборудовать и у них спортивную площадку, уже готовится нужный материал. А площадка на Агрономической расширилась за нынешнее лето, появились волейбольная площадка, песочницы для малышей. Строителями были сами ребята.

С облегчением вздохнули жители: у них появился настоящий Хозяин, недреманное око — все видит, во всем может оказать помощь, защитить, поучить.

М. Усцелемова.

«За коммунизм», 1988 г., 15 октября.

СТИХИ

Стихи разных лет

Из дому увели любовь,
 тайком,
 как конокрады лошадь.
И хмурят потолки седую бровь,
 и стены сблизились,
Сжимая площадь.
Остыли окон
 яркие глаза,
по вечерам из них
 глядит тревога...
Что можно тут
 утешное сказать
и никого упреками
 не трогать?
Звонить в милицию,
 просить найти
и собственность
 вернуть владельцам?
Еще не оживал
 осенний лист,
и не любило
 по заказу сердце.

Мне бы тебя да в терем,
 за стол на ножках точеных.
Пей! – ковшик меда терпкого,
 Ешь! — жирным солнцем драчена.
Мне бы тебя за руки
 да на почетное место,
чтобы никто — без стука,
 чтоб никого окрест-то!
Мне бы тебя да в сказку,
 на остров Буян, к той белке.
И сами чтоб те салазки
 несли по сугробам белым...
Да вот за окошком дождливо, —

плачется бабье лето.
Сказка — она пуглива.
А в тереме — терема нету.
Тянутся нудные нити,
ткнут на стекле прощанье...
Слышится: «Извините,
да было ли это свиданье?».

Август

Под уклон, к закату
покатилось лето.
Обросло стогами,
налилось зерном.
Было - в три вставало
в дымке фиолетовой.
В пять сегодня — все еще
спит дремучим сном.
Сытое, застойное,
в желтизне подсолнечной,
в ягодном ауканье,
в шорохе грибном
за собой вдоль улицы
до безмолвной полночи
паутинок — запахов
тянет волокно.
Обленилось, щедрое,
дышит с перебоями.
На висках сединками
иней по утрам.
В небе обесцвеченном
журавлиной болью
бестолково кружится
предосенний страх.

М. Усцелемова

Чуть – чуть

Чуть – чуть мороз
 и снег чуть – чуть,
Чуть – чуть зима
 и чуть – чуть осень,
Сказать по правде,
 не хочу,
Чтоб это «чуть»
 исчезло вовсе.
Мне милы все
 полутона,
Полуцвета,
 полупризнанья.
Бокал не выпитый
 до дна,
рояля
 замкнутая тайна,
Мне полдень мил
 и полночь дорога,
И полувечер,
 полуутро,
И полумесяца
 рога
в полумерцаньи
 перламутра.
Пикассо в «Голубе»
 чуть – чуть
взрывной волной
 бросает о земь,
в стихе чуть – чуть –
 и я лечу!
А без него не стих,
 а проза.

М Усцелемова

Оттепель

Опять подули ветры южные...

Остекленев, подтаял снег.

Такие оттепели нужны ли?

Улыбка горькая во сне.

 Стеклом изрезаны лодыжки.

 Кровавый след кошулю выдает,

 От голода скукожились малышки,

 И стол, и дом — все только лед.

Бывает, человек среди ясного мороза

Вдруг ощущает оттепели вздох:

И нежность краткая, и поцелуя проза.

И прежних чувств остатки крох.

 Но ветры с севера, и все в порядке

 Вот только след кровавый на снегу,

 И голода седая прядка.

 И лед сухих холодных губ.

А завтра вновь мороз и солнце,

Лишь боль прошедшего остра

И синяком в душе на донце

Синеет с вечера и до утра.

М. Усцелемова.

Пушкин с нами!

Кто он для нас, что в жизни значит.
Насколько стали с ним богаче.
Нежнее сердцем, совестью честней –
Об этом хочется сказать сегодня мне.

Кто и пору юности туманной,
Еще порой не знал о любви,
Не находил в письме Татьяны
Мечты и чувства робкие свои?!

Кто не искал в лирических твореньях
Созвучья собственным тревогам и волненьям?
Кто не хотел, хотя б на день, на час,
Дубровским иль Гриневым стать из нас?

Кто осенью его стихов не вспоминает:
«Октябрь уж наступил, уж роща отряхает...»
И очарованный зимой прогулкою воскресной –
«Мороз и солнце, день чудесный!».

Он дружбе нас учил, испытанной в невзгодах,
Быть верным Родине, любить свою Москву;
Честь смолоду беречь и уважать народы,
Идти, куда и долг, и совесть позовут.

За много лет до зорь Октябрьских
«Товарищ, верь!», - сказал поэт.
И вот заря пленительного счастья
Живой над нами рдеет свет!

М. Усцелемова.

«За коммунизм!», 1987 г., 6 июня.

Селькор

Ключее слово «селькор»
Он такой! – был таким и будет.

Прям в суждениях,
на ногу скор,
И распахнуто сердце
людям.

Откровенно – глаза в
глаза –
С тех, двадцатых,
сурово сложных.
Он правду умел сказать,
Не умея мириться с ложью.

Было: вороном камень –
в окно,
По-кошачьи обрез – к затылку,
Но упрямо светило в ночь
Непокорное пламя
коптилки.

Перед хитрою сталью ножа,
Перед вражьей хваткой
звериной
Карандаш никогда не дрожал,
Не белели от страха чернила.

Было, помним... годы идут,
Но, как прежде, с оружием
верным
Он, селькор, на своем посту,
Обо всем сообщает первым.

Авторучка в крепкий пальцах
Трактористов, доярок, птичниц.
Нужно – строчит по подлецам,
Чаще славит труда величье.

М. Усцелемова

**Адрес
библиотеки:**

**г. Камышлов,
ул. К. Маркса, 37
тел.: 2-05-21**